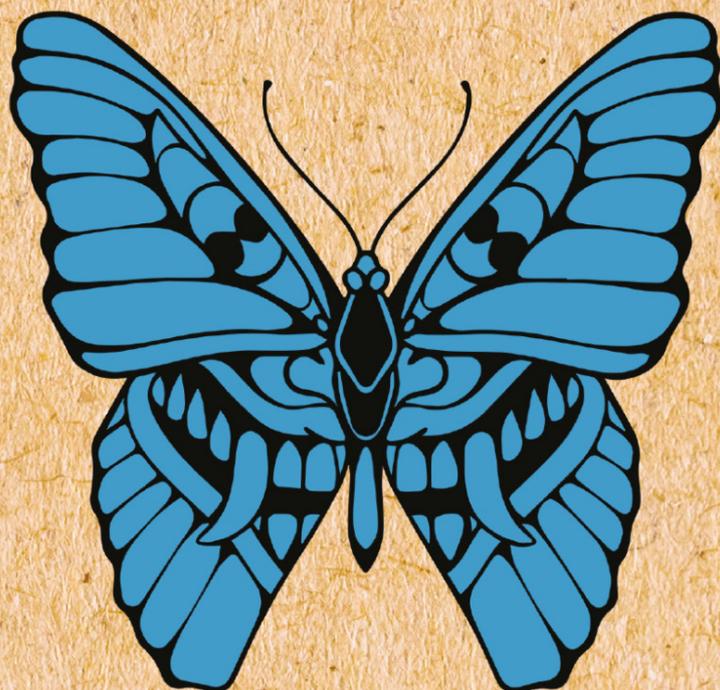

АНДЕРС
РОСЛАУНД

СЛАДКИХ
СНОВ

Крафтовый детектив из Скандинавии. Только звезды

Андерс Рослунд

Сладких снов

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.113.6-312.4

ББК 84(4Шве)-44

Рослунд А.

Сладких снов / А. Рослунд — «Эксмо», 2019 — (Крафтовый детектив из Скандинавии. Только звезды)

ISBN 978-5-04-174342-0

ОДИН ИЗ ЛУЧШИХ КРИМИНАЛЬНЫХ РОМАНОВ В ШВЕЦИИ. ОТ ПРИЗНАННОГО МАСТЕРА ЖАНРА. Сидя прохладным летним днем на кладбище у могилы жены, криминальный инспектор Эверт Гренс встречается женщину, удивительно похожую на его погибшую Анни. Та показывает ему могилу с простым белым крестом и одной-единственной надписью: «Моя маленькая девочка». Дочь этой женщины необъяснимо пропала несколько лет назад: отчаявшаяся мать потеряла всякую надежду и теперь приходит оплакивать пустой гроб. Гренс решает во что бы то ни стало узнать, что случилось с девочкой, – это дело становится для него слишком личным. Оказывается, в тот день в Стокгольме пропали сразу две девочки. И криминальный инспектор даже не подозревает, куда приведут его эти таинственные исчезновения. Гренсу предстоит раскрыть самое сложное, грязное и опасное дело в своей жизни. И шанс у него будет всего один... Мощный скандинавский нуар, затрагивающий страшные, но актуальные темы. «Андерс Рослунд пишет на двух языках – мрачном и очень мрачном. „Сладких снов“ потрясет вас до глубины души. Выдающийся образец скандинавского нуара!» – New York Times «Мастерски написанный роман на сложную и требовательную тему. Приготовьтесь к кошмарам после прочтения...» – Göteborgsposten «Мрачный триллер, который пощекочет вам нервы. Андерс Рослунд удивительно талантлив». – Эрик Аксл Сунд «Отличительная черта Андерса Рослунда в том, что он создает одинаково убедительных злодеев и героев. В его истории невозможно не верить». – Thrillzon

УДК 821.113.6-312.4

ББК 84(4Шве)-44

ISBN 978-5-04-174342-0

© Рослунд А., 2019

© Эксмо, 2019

Содержание

Часть 1	7
Часть 2	35
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Андерс Рослунд Сладких снов

Anders Roslund
SOVSÅGOTT

Copyright © 2019 by Anders Roslund

© Боченкова О.Б., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Часть 1

На кладбище всегда холодно.

И кружится голова.

Боже, как кружится...

Но он старается сидеть спокойно, как и всегда.

Делает глубокий вдох. Прикрывает глаза. Ждет, когда мир вокруг перестанет вращаться, как карусель.

Он тянется к цветам, которые очень любит.

«Злак любви»¹ – так они называются. Они появляются здесь каждый год в конце лета – такие высокие и крепкие. Эверт Гренс собирает опавшие листья, забывая о боли в бедре, и смачивает из лейки бутону, которым только предстоит стать розовыми соцветиями. Медленно проводит рукой по белому кресту – теперь это все, что он может для нее сделать. Кончики пальцев следуют по рельефным буквам ее имени на простой медной табличке. Она была его единственной земной привязанностью, как и он ее.

Мне тебя не хватает.

Восточный участок Северного кладбища – как долго он не решался сюда прийти. Парковал машину у открытых ворот и медленно бродил по петляющим гравийным дорожкам, словно ластиком подтирая на ходу следы граблей. В окружении мемориальных роц и могильных памятников, будто специально поднявшихся из земли, чтобы посмотреть на него. И каждый раз отступал, поддавшись давлению в груди и тяжести в ногах, и возвращался к машине, городу, отделению полиции и кабинету с вельветовым диваном, с такими уютными и потертыми подушками. Пока наконец не понял: то, чего он так боялся, случилось. И теперь ему остается только идти вперед, ускоряя шаг и убегая от страха, который, если догонит, непременно возьмет верх.

Я скучаю по тебе все меньше и меньше.

Эверт Гренс повесил пустую лейку на крюк в уголке для садового инвентаря и уже собирался вернуть на место грабли, когда головокружение вернулось. Словно разрушительная волна захлестнула тело, и Гренс не упал лицом вперед только потому, что успел ухватиться за деревянную планку. Такие приступы случались все чаще, раз от разу сильнее. Будь Анни жива, непременно положила бы его в больницу королевы Софии. Но сам Гренс по возможности избегал общения с людьми в белых халатах.

Обычно он просто стоял и ждал, когда волна уляжется. Если же этого не происходило и беспокойство в теле сохранялось, он садился на парковую скамью, которую со временем стал считать своей. Любовался зеленой лужайкой, которую какой-то бюрократ окрестил квадратом 19В, № 603. Гренсу понадобилось несколько лет, чтобы преодолеть эти два километра – от дома на шумной Свеаевеген до тихих, ухоженных участков земли вдоль ведущей к церкви дорожки в Сольне. Где лежала она, среди тридцати тысяч прочих захоронений, достаточно обособленно, чтобы никто не тревожил ее покой, и в то же время не настолько, чтобы чувствовать себя одинокой.

Августовский ветерок ласкал его щеки, на которых, по сравнению с прошлым визитом, прибавилось морщин, и играл в волосах, заметно за это время поредевших. Он навевал покой – и в душе тоже. Головокружение, во всяком случае, прошло.

¹ По-шведски «kärlekört» – «злак любви», по-русски это растение называется «очиток» или «заячья капуста», международное название – «хилотелефиум». (*Здесь и далее примеч. пер.*)

Но в этот момент под ногами Гренса будто задрожала земля. И не только земля – все вокруг заходило ходуном. Гренс испуганно огляделся – нет, не земля, всего лишь скамейка, которую он не привык делить ни с кем.

Сегодня на ней сидела женщина, всего в каком-нибудь полуметре от него.

Женщина на его скамейке, совсем рядом.

И она молчала, не обращая на Гренса никакого внимания.

Он осторожно скосил глаза. На вид его ровесница, с короткими черными волосами и глазами, какие обычно не отводят ни от смертельной угрозы, ни от собственного позора. Она напомнила Гренсу Марианну Херманссон, одну из немногих коллег, которым он доверял. Когда-то Гренс лично поспособствовал тому, чтобы Херманссон взяли на работу в полицию, отодвинув многих более квалифицированных соискателей. И она оставалась его ближайшим другом, пока однажды, по завершении одного расследования, не подала заявление о переводе в другое подразделение, потому что и ее терпение оказалось небеспредельным. И Гренс не винил Херманссон, потому что и сам не всегда находил в себе силы с собой справиться. С тех пор они не виделись. Возможно, поэтому он иногда узнавал ее в других людях.

Прошло немало времени, прежде чем незнакомка заговорила:

– Кого вы здесь навещаете?

Взгляд все так же устремлен вперед, в одну точку.

– Я полагаю, вы пришли сюда именно за этим?

Гренс не отвечал.

– Простите, вы ведь, наверное, хотите побыть в тишине, – испуганно продолжала женщина. – Я не подумала об этом. Просто мне никогда еще не приходилось делить с кем-нибудь эту скамейку... мою скамейку.

И тут Гренс не выдержал:

– Вашу?

Женщина улыбнулась.

– Нет, конечно... не в этом смысле. Просто я привыкла быть здесь одна. В этой части кладбища людей обычно немного.

Некоторое время они сидели молча. Она все так же смотрела прямо перед собой, Гренс тоже. И вокруг стояла такая же полная тишина.

– Жenu, – Гренс кивнул на белый крест в паре метров от скамейки. – Ее звали Анни, и мне показалось...

– Что? – нетерпеливо перебила его незнакомка.

– ...что вы немного на нее похожи.

– Похожа?

– Я всего лишь имел в виду... В общем, это ее я здесь навещаю. Я пришел к Анни.

Женщина кивнула, но не с сожалением, которое казалось бессмысленным в этих владениях смерти. Скорее в знак того, что поняла его и приняла объяснение как вполне разумное.

– Давно? – спросила она. – Я имела в виду, когда умерла ваша жена?

– Здесь все зависит от того, что под этим понимать.

– То есть?

– Она... в общем, несчастный случай на работе. Тридцать пять лет назад ее голову переехала машина. За рулем сидел я, и это моя вина. Анни потеряла связь с внешним миром, но не со мной. Многие считают, что она умерла уже тогда. Но если вы спрашиваете о смерти с медицинской точки зрения, то это произошло спустя десять лет.

– А для вас?

– Еще несколькими годами позже. Но теперь я знаю, что Анни мертва. Что ее больше нет для всех остальных... не для меня.

Сколько раз он здесь бывал – и по утрам, и вечером, и в полдень, – и никто не приближался к Гренсу возле могилы Анни. До сих пор люди не решались прервать его молчаливые размышления на парковой скамье, и Гренс видел за этим уважение к его одиночеству. Но и то, что сделала эта женщина, не ощущалось как нечто навязчивое или бестактное. Всего лишь как непривычное.

– А вы?

– Что, простите?

– Кого оплакиваете вы?

Гренс никогда не умел поддерживать светскую беседу. Тем более на кладбище, что делало ситуацию еще более неловкой. Но незнакомку, похоже, это не заботило. По крайней мере, виду она не подавала.

– Я... – замялась женщина, – ...там, под большой березой... видите? Тоже простой белый крест... совсем как у вашей жены.

Она показала рукой.

– Хотя... вы, наверное, ничего не видите, это ведь довольно далеко. Но эта скамейка – единственное место, где можно отдохнуть. Обычно я навещаю могилу, а потом сижу здесь. И я чувствую ее на этом расстоянии.

Эверт Гренс молчал, женщина явно собиралась сказать что-то еще.

– Но вы ведь не об этом спрашивали. Вас интересует, кого я здесь навещаю.

– Да, но вам совсем не обязательно...

– Дело в том, что я и сама толком не знаю.

– То есть?

– Могила пуста, – она посмотрела на него. – Там пустой гроб.

Ладонь, одновременно твердая и мягкая.

И руки, которые сейчас держат меня, говорят, что, если я и дальше хочу оставаться здесь один, мне совершенно не нужно...

...слушать ее дальше.

Эверт Гренс мерз. Словно острый нож пронизывал его тело, застревая где-то в диафрагме.

– Но как...

На кладбище всегда холодно, это он хорошо усвоил.

– ...как такое может быть?

– Гроб пустой, вот и все. Наверное, поэтому я и прихожу сюда так часто.

Тут Гренс впервые повернулся к женщине на скамейке рядом и заглянул в глаза, какие никогда не отводят. У нее и в самом деле был такой взгляд – не извиняющийся, но в то же время участливый.

– В гробу нет тела, – пояснила она.

Гренс не знал ее имени. Он впервые видел эту женщину. Но, судя по всему, она не шутила, не принимала его за дурака и сама не была сумасшедшей. Просто говорила ему, как оно есть на самом деле.

– Пойдемте.

Земля снова задрожала, когда незнакомка встала, и шаткая скамейка попыталась обрести равновесие. Женщина пошла по расчищенной граблями дорожке и остановилась у могилы пятью рядами дальше, с таким же белым крестом, какой Гренс установил для Анни. Он так часто бывал здесь, почему не замечал его раньше? А теперь возле этого креста его поджидала женщина, чтобы попытаться рассказать свою историю. Этого ни в коем случае не следовало делать, именно потому, что для Гренса это были слова, и не более того.

– Это ее я потеряла.

Только теперь он все увидел – белый деревянный крест с металлическим щитком, на котором только три слова:

Моя маленькая девочка

– За несколько дней до того, как ей исполнилось четыре года.

Комиссар криминальной полиции приблизился, как будто хотел убедиться в том, что там больше ничего не написано.

Нет, только эти три слова, вместо имени и фамилии.

«Моя маленькая девочка» – всего на несколько букв больше, чем на кресте Анни.

– Грязная парковка в Сёдермальме, там она исчезла. В новом платье и с длинными волосами, заплетенными в две косы.

Цветов на этой могиле было больше, чем у Анни – яркое покрывало из голубых, красных и желтых лепестков. Гренс сам себе удивился, когда узнал немезию, астры и петунии. Царство Флоры никогда его особенно не интересовало, и он избегал сажать на могиле растения, требующие регулярного полива.

Но женщина рядом с ним, очевидно, бывала здесь часто.

– Полиция, конечно, открыла расследование. И начало было многообещающим, они допрашивали меня много раз. Но спустя пару месяцев стали вспоминать обо мне лишь время от времени. Прошел год, и я поняла, что они так и не сдвинулись с той точки, где были в первый день. Никто больше не заговаривал о ней, ни о чем меня не спрашивал. Она стала ничем. Ее как будто никогда не существовало. Поэтому я не стала писать на кресте ее имя. Она принадлежит только мне, больше никто ее не оплакивает. «Моя маленькая девочка» – этого достаточно.

– Но... на парковке? Так, кажется, вы сказали?

– Да.

– Моя жена и я... мы тоже ждали ребенка, когда... и это тоже случилось в...

Она не дала ему договорить:

– Я оставила дверцу машины открытой и пошла к автоматам...

Женщина смотрела на крест, погружаясь в кошмарные воспоминания.

– ...поэтому я и не видела, как подъехал тот фургон. А когда увидела, было поздно...

Гренс ждал. Она собиралась с силами.

– Я просматривала материалы камер наблюдения. Семь секунд – этого оказалось достаточно, чтобы мир изменился раз и навсегда. Моя дочь сидела в детском кресле на пассажирском сиденье. Фургон подъехал почти вплотную. Водитель открыл дверцу, вышел, взял девочку и вернулся в свою машину с ней на руках. Потом уехал.

Закончив свою историю, незнакомка, с которой было так легко поддерживать беседу, сделала то же самое, что и Гренс на могиле Анни: опустила на корточки и занялась опавшей листвой и сорняками. И, возможно, по той же самой причине. Не ради того, чтобы порадовать случайных прохожих видом ухоженной могилы, но чтобы сделать хоть что-нибудь, когда делать что-либо уже поздно.

– Это были странные похороны.

Пальцы ловко перебирали цветы, отделявшие женщину от той, кого она оплакивала.

– Я там была, конечно. И еще полицейский, куратор и священник – люди, с которыми она никогда не встречалась и которые поэтому не могли значить что-либо в ее жизни и ничего не значили для нее после смерти. Кладбищенский сторож вырыл совсем неглубокую ямку для маленького белого гробика с красной розой, который так легко было нести, потому что в нем никто не лежал. Для нее звонили церковные колокола, и кантор, который до того успел похоронить совсем немногих, выбрал колыбельную «Йон Блунд»². День выдался погожий, солнеч-

² Йон Блунд – фольклорный персонаж, человечек, навевающий детям сны. Текст колыбельной, о которой идет речь, написал Г.-Х. Андерсен.

ный. И под музыку церковного органа казалось еще более абсурдным, что только что начавшего жить человека опускают под землю на веки вечные.

Женщина замолчала, а потом запела, все еще глядя на устилающий могилу цветочный ковер.

– Спи-и споко-ойно... сла-адких снов.

– Вы что-то сказали?

– Так мы пели тогда... Это последняя строчка колыбельной... И звучала она совсем не так, как если бы я пела для нее дома.

Женщина подняла глаза на Гренса:

– Может, потому, что сон в кровати для нее закончился. И она пробудилась – не для этого мира, для вечности.

Она показала на могильную плиту, на которой они оба стояли:

– Там ее гроб, под нашими ногами. Разве это не странная мысль?

Да, это и в самом деле была странная мысль. Не менее странная, чем то, что Гренс так часто думал об Анни, лежавшей всего в нескольких рядах отсюда и не имевшей возможности ни видеть, ни слышать его. И теперь Гренс хотел вернуть то время, когда боль сокрушила все. Он должен был присутствовать на похоронах жены.

– Теперь, когда для всех остальных она стала безымянной, я называю ее Альвой, – продолжала женщина. – «Альва» – почти «Эльва», эльфийское имя, а эльфы существуют, только когда мы в них верим.

Она протянула тонкую, но на удивление сильную руку. Как будто хотела увести Гренса в мир своего прошлого.

– Вот уже три года как она ушла от меня. И почти шесть месяцев, как ее объявили мертвой. Раз в неделю я навещаю ее, чтобы она не скучала одна. Потому что она, конечно, чувствует себя одинокой, несмотря на всех, кто лежит здесь. Обычно это бывает в четверг, когда легче улизнуть с работы. А теперь мне пора, может, увидимся в другой раз, когда придем одновременно навестить наши могилы. Если нет, Альве будет приятно, если время от времени и вы будете к ней заглядывать. Просто остановитесь здесь ненадолго. Это не займет много времени, а она почувствует, что рядом кто-то есть.

Гренс смотрел, как она удалялась по гравийной дорожке, петляющей между ухоженными кустами и массивными надгробьями, будто перемещенными сюда из другой эпохи. Он не спросил даже ее имени.

Безымянная, совсем как та девочка.

Ему и самому была пора возвращаться в кабинет комиссара криминальной полиции, с минимум дюжиной текущих расследований на столе. Но он еще не закончил с Анни. Поэтому Гренс снова присел на парковую скамью, теперь уже один и без всякой тряски.

Он ведь тоже иногда думал о ребенке, о котором Анни так и не узнала. О вполне сложившемся человеке, с сердцем, легкими и глазами, которые могут закрываться и открываться. Их девочка умерла в тот же день, что и Анни – для всех, только не для Гренса. Почему он не сказал об этом Анни? Он пытался, особенно поначалу, в больнице. Но Анни как будто не вполне его поняла.

Моя маленькая девочка.

Так это все-таки несправедливо.

Время от времени, занимаясь делами преступников, которые преследовали и убивали друг друга, Гренс не мог избавиться от ощущения, что эти люди сами выбрали свою судьбу. Нет, он все так же добросовестно делал свою работу, выкладывался по полной, снова и снова заглядывая под каждый камень, хотя бы потому что для Гренса это был единственный способ справиться с самим собой. Ничто у него не делалось наполовину, но Гренс не мог по-насто-

ящему сочувствовать жертвам, которые сами сделали свой выбор. В отличие от ребенка, за которого решил кто-то другой.

Именно поэтому в случаях, где жертвами оказывались дети, речь шла о чем-то большем.

Вскоре он забыл о времени. Просто сидел на солнце, которое согревало весь мир, только не этот его кусочек.

Прошел почти час, прежде чем комиссар поднялся со скамьи и сорвал пару цветов с могилы Анни, чтобы положить их на край другого деревянного креста. Он стал задавать вопросы девочке, которой там не было.

Кто ты?

Почему ты исчезла?

Где ты теперь?

* * *

Я не хочу этого. Дайте мне побыть в одиночестве, пока здесь нет мамы и папы.

Так приятно держаться за руку, мягкую и твердую одновременно.

Руку, которая точно знает, куда идти, куда ушли папа и мама.

И где они меня ждут.

После того как Анни угодила под машину и девочка, которая только начала расти у нее внутри, умерла, а сама Анни медленно угасала в больничной палате, запертая в своем мире, коллеги отправили его к полицейскому психологу. Чтобы тот наконец разъяснил Гренсу, что это он наехал на Анни, и их совместная жизнь близка к завершению. Что то, чего он так боялся, произошло. До сих пор, тридцать пять лет спустя, Гренс помнил эту встречу с психотерапевтом, отчаянно пытавшимся нащупать подход к человеку, который потерял все.

Молодой помощник полицейского Эверт Гренс с треском провалил свое первое задание в качестве пациента – найти прибежище в ментальном мире, где можно было бы укрыться, когда лечение станет слишком изматывающим, а душевная боль невыносимой. Уже тогда Гренсу стало ясно, что его мир дал трещину. Он так и не нашел себе прибежища, даже в мыслях.

Кровать превратилась в черную дыру, куда он проваливался каждую ночь. Ни коллеги, ни друзья, ни огромное полицейское здание, которое он так любил, – ничто не приносило утешения. Гренс нигде не находил покоя, пока однажды не купил этот диван, на котором теперь лежал в своем кабинете.

Коричневый, вельветовый, ничем не примечательный и не особенно дорогой, он был удобен уже тем, что позволял комиссару вытянуться во весь его немалый рост. Набивка оказалась недостаточно жесткой, поэтому диван быстро потерял форму и стерся, так что стало совсем не очевидно, что он вельветовый. Что неудивительно после трех десятилетий ежедневного лежания, иногда и в рабочее время, и ночью, когда не оставалось сил добраться до дома.

Но в тот день отдохнуть так и не получилось, несмотря на послеобеденный час и хорошо знакомые шлягеры шестидесятых, которые Гренс снова и снова крутил на старом кассетном магнитофоне. Голова кружилась, в теле металась боль, заставляющая руки и ноги вздрагивать, даже когда ему удавалось впасть в короткий, беспокойный сон.

Гренс сел на краю дивана, потом лег снова. Нашупал на столе чашку с черным кофе, выпил. Потом стал рассматривать узор трещин на потолке: до сих пор это помогало успокоиться. Попытался было взяться за материалы предварительных расследований, тяжелыми кипами громоздящиеся на столе, но быстро убедился в бессмысленности этой затеи. Как ни вглядывался Гренс в буквы, как близко ни подносил к лицу, описание места преступления не читалось, и он понимал, в чем дело.

Сходство.

Гренс все еще был с ней, с той безымянной девочкой, которая, совсем как их с Анни дочь, бесследно исчезла на грязной парковке, не оставив после себя ничего, кроме воспоминаний. И которую Гренс обещал навещать на кладбище, не имея ни малейшего представления ни о том, как она выглядела, ни о том, как звучал ее голос, ни как загорались ее глаза, когда в них кто-то смотрел.

Гренс знал одно-единственное место, где можно было с ней встретиться, – архив. Там, в одной из коричневых папок, хранились свидетельства того, что девочка и в самом деле существовала.

Гренс вышел в коридор, быстрым шагом миновал комнаты, где коллеги, в отличие от него, занимались тем, чем должны были, то есть текущими расследованиями, и на лифте спустился в подвал. В архиве не было ни окон, ни нормальной вентиляции, но у Гренса теплело на душе от одного только прикосновения к кодовому замку на тяжелой двери. Там, внутри, его ждало совершенно другое общество и царили другие порядки. Иногда даже справедливые, если закрытое дело содержало достаточно доказательств для обвинительного приговора.

Гренс зашагал по архивным коридорам, все больше углубляясь в лабиринты помещения под зданием полиции, – к компьютеру в одном из дальних углов. Залогинился и приступил к поиску. Безымянная девочка была где-то там, среди десятков и сотен тысяч мертвых и живых. Из головы не шла безымянная женщина на кладбище и ее история с описанием «странных похорон». Гренс набрал «пропала без вести» и «девочка» в поисковой строке, кликнул на Enter и уставился в монитор.

Девятьсот семь совпадений.

Он попытался вспомнить, что женщина говорила еще, и дополнил запрос словом «Сёдермальм».

Сто пятьдесят два совпадения.

В воображении нарисовалось бетонное здание парковки и руки женщины, вздрагивающие от отчаяния и гнева.

«Парковка» – осталось двадцать два совпадения.

Как же она описывала эту девочку? Платье, волосы, заплетенные в две длинных косы.

«Платье» – пять совпадений.

«Косы» – одно-единственное.

Гренс быстро поднялся и пошел к семярусным металлическим стеллажам, мимо мятых картонных коробок, набитых какими-то бумагами, увесистых связок и множества толстых папок, выстроенных по сложной цветовой системе, которую он так и не научился понимать. Папки были прошиты грубыми нитками – широкие корешки, переполненные пластиковые кармашки, и между всем этим сумки с вещественными доказательствами, так и оставшиеся нераспакованными. Расследование за расследованием, и там, в самом сердце архивного зала, наконец обнаружилась она. Проход 17, секция F, шестая полка.

Гренс подставил табурет и добрался до ящика. Снять его оказалось совсем не сложно, несмотря на большую ногу и проблемы с вестибулярным аппаратом. Гренс устроился за одним из столов в зале и откинул створку переплета – огромную, как картонное крыло.

Внутри обнаружилось не так много. Во-первых, заявление в полицию с последовательным изложением хода событий. Протокол отдела криминалистики, которому так и не удалось обнаружить каких-либо следов злоумышленника, не говоря о ДНК. Материалы бесед с людьми, по тем или иным причинам оказавшимися вблизи места преступления.

Незнакомка с кладбища была права. Ни малейшего продвижения, несмотря на внушительную следственную работу. Ребенка увезли в неизвестном направлении, и никто ничего не увидел и не услышал.

* * *

Это очень хорошая машина – очень длинная и очень новая. И никого, кроме меня, на заднем сиденье – ни Матильды, ни Якоба, ни Вильяма. Я могу даже лечь и вытянуть ноги, и они не достанут до дверцы. А могу встать и посмотреть в окно сзади, где большое здание магазина становится все меньше и меньше, а потом и вовсе исчезает. Я спрашиваю, почему мама и папа не поехали с нами, почему они остались, так ничего мне и не объяснив? И тот, кто ведет машину, отвечает мне, что знает, где я живу, и что мы едем именно туда.

Но я уже скучаю.

По маме и папе.

И хочу, чтобы мы приехали скорее.

На пути к своему кабинету в самом конце коридора Гренс остановился. И не возле кофейного автомата, как обычно, а у кабинета коллеги, с которой редко когда разговаривал и которую почти не знал, хотя и работал с ней в одном здании. Так бывает, когда полицейские погружены каждый в свое расследование.

– Можете уделить мне минутку?

Элиза Куэста, женщина чуть за сорок, подняла глаза от стола, загроможденного нераспакованными картонными коробками. В остальном кабинет выглядел пустым – голые стены и никаких признаков присутствия живого человека, со своим характером и эстетическими предпочтениями. Как никому не принадлежащий гостиничный номер.

Не то что вельветовый диван у него в кабинете.

– Войти можно?

– Да, конечно... Но... вы уверены, что это нужно?

– То есть?

– Я хотела сказать... Я и вы, Гренс, до сих пор мы с вами ни разу не разговаривали. Прошел почти месяц, Гренс, и я боюсь, что уже поздно. На вашем месте я не особенно бы рассчитывала...

– Месяц? Поздно? Теперь я совсем ничего не понимаю.

Она посмотрела ему в глаза и подняла обе руки – сдаюсь.

– Простите, я думала, вы совсем по другому делу... Ну, в таком случае, начнем. Присаживайтесь вон на ту коробку: она довольно прочная и до сих пор выдерживала, во всяком случае. Так что вы хотели?

Лавируя между картонными коробками, Эверт Гренс добрался наконец до той из них, на какую ему указали. Сел, вытянув больную ногу, насколько это было возможно. Нашупал более-менее равновесное положение и сосредоточился на коллеге за столом.

– У меня несколько вопросов, касающихся расследования, которое вы, как я полагаю, закрыли пару лет назад. Это ведь вы занимаетесь поиском пропавших без вести?

Лицо Элизы Куэста все так же ничего не выражало, как и ее кабинет. Она всегда выглядела одинаково. Это не та внешность, которая сохранится в памяти. Гренс мог бы не узнать эту женщину, встретившись с ней где-нибудь на улице час спустя. Но в этот момент ее лицо приобрело индивидуальность, загорелось гневом человека, которому задают слишком много вопросов.

– Ну и...

– Я здесь не для того, чтобы предъявлять вам претензии.

– Мы с вами никогда не разговаривали, Гренс, и, честно говоря, я не особенно скучала по вашей компании. И теперь вы заявили ко мне, чтобы поболтать о деле, которое я не довела

до обвинительного приговора? И если вы и в самом деле здесь не для того, чтобы предъявлять мне претензии, чего вы, в таком случае, хотите?

Гренс немного переменял позу, так что ящик едва не опрокинулся.

Разумнее было встать, что он и сделал. И сразу почувствовал себя в безопасности.

– Я хочу найти маленькую девочку, чей пустой гроб зарыт под белым крестом.

– Вот как?

– Меня интересует все. Каждый кадр с камер слежения, начиная с раннего утра 23 августа 2016 года. Всех камер – в больницах, детских садах, социальных учреждениях. Материалы допросов, которые вы проводили, и бесед с людьми, в квартиры к которым вы звонили. Пока, не дождавшись результатов, не понизили это расследование в приоритете, а потом и вовсе закрыли.

– Не понимаю, о чем вы.

– Дело девочки, которую вытащили из машины и увезли в неизвестном направлении.

– Какой девочки?

– Четырехлетней, которая сидела на заднем сиденье, когда...

– Оглядитесь вокруг, Гренс. Видите, сколько здесь коробок? И в каждой материалы текущих, то есть актуальных на сегодняшний день, расследований случаев насилия. Ими занимаюсь не только я, хотя я в том числе. Потому что, как и вы, ненавижу насилие. Но с этим делом вам придется обратиться к кому-нибудь другому. Я не могу вспомнить ничего подобного, и этот наш разговор ни к чему не приведет.

Эвэрт Гренс даже не вздохнул. Просто развернулся и направился к двери.

– Большое спасибо за помощь.

– Но зачем оно вам, Гренс?

– Что зачем?

– Что заставило вас заняться именно этим делом, когда у нас море нераскрытых преступлений?

Эвэрт Гренс пожал плечами. Он мог бы рассказать о женщине, чью могилу решил навестить лишь спустя много лет. Или о ребенке, которым эта женщина была беременна и который покоится в безымянной мемориальной роще, куда Гренс, конечно, никогда не доберется. Или, может, о другой женщине, которая решила иначе и постоянно навещает свою маленькую девочку, чтобы та не чувствовала себя одинокой.

Мог бы, но не стал этого делать.

– Не уверен, что знаю ответ на ваш вопрос.

– То есть?

– Сегодня у меня была странная встреча на кладбище, и я...

– Послушайте, Гренс...

– Что?

– Как вы себя чувствуете?

– Чувствую?

– Вы такой бледный, загнанный... Потерянный даже, не обижайтесь. Я заметила это сразу, как вы вошли. Что с вами? Вы не производите впечатления человека, с которым все в порядке.

Она перегнулась через стол в ожидании ответа.

– Я... в общем, да. С утра немного кружилась голова... там, на кладбище.

– Кружилась голова?

Он пошел к двери, петляя между коробками.

– У меня... в общем, неприятное переживание, связанное с другим, более ранним неприятным переживанием. Это все, что я могу вам сказать.

Гренс подошел к двери. Элиза Куэста не спускала с него глаз, напряженно вслушиваясь в то, что все больше походило на невнятное бормотание.

– Ребенок на кладбище. Ему пришлось тяжелее, чем мне. Маленькие дети, особенно девочки, они почему-то всегда... я не знаю...

Комиссар криминальной полиции почти вывалился в коридор, и дверь захлопнулась. Не сразу, но Элиза Куэста тоже встала, пошла за ним. Гренс успел добраться до кофейного автомата и выпить две чашки, когда его настигли ее слова:

– Гренс, а вы знаете о другой девочке?

Она окликнула его, стоя в дверях своего кабинета.

– О какой другой?

– Еще одно расследование. И тоже девочка четырех лет.

Силуэт коллеги с ничего не выражающим лицом стремительно терял очертания в отделении.

– Я о девочке, которая пропала в тот же день и так же никогда не была найдена ни живой ни мертвой.

* * *

Мама и папа запрещают подходить к незнакомым людям, но это совсем не опасно, если эти люди знают мое имя.

Мы скоро приедем, и я смогу надеть курточку, как шкуру зебры, которую мне хотелось бы никогда не снимать. Даже дома, хотя взрослые и говорят, что это нехорошо. И еще, мне нравится заколка-бабочка. Она такая голубая и может летать, когда никто не смотрит. Тот, кто ведет машину, конечно, разрешит мне ее нацепить, он ведь не то что мама, все понимает.

Ну вот, теперь мы совсем близко.

Дома.

Они смотрели на него не моргая.

Так долго и все более пристально.

Девочка слева исчезла на парковке. Здесь она была в том же платье, что и на снимке из материалов закрытого полицейского расследования. В свои без малого четыре года она имела рост один метр восемь сантиметров и вес девятнадцать килограммов. Длинные волосы заплетены в две косы.

Девочка справа сидела на ярко-красном детском стуле в фотостудии на фоне декораций, похожих на фрагмент нелепого, вымышленного мира. Ее волосы были короче и светлее, рост примерно такой же, вес на пару килограммов больше. Ей четыре года и семь месяцев.

Обе девочки в один и тот же день стали главными действующими лицами – каждая своего полицейского расследования. То есть малышка с кладбища теперь была не одна.

Эверт Гренс передвинул обе фотографии в центр стола, поближе друг к другу. Между ними, конечно, была какая-то связь. Гренс никогда не верил в случайности.

Каждый год шведская полиция принимала более семи тысяч заявлений об исчезновении людей. Почти все пропавшие находились спустя несколько суток. Но около тридцати человек никогда не возвращались ни живыми, ни мертвыми.

Девочка слева от Гренса, которую мама звала Альвой, и справа, по имени Линнея, были из числа последних.

Гренс встал и принялся ходить по комнате, как делал это обычно – между книжным шкафом и вельветовым диваном, выходящим во двор окном и закрытой дверью в коридор. Пока не наступил себе на ногу, после чего сел. Две девочки смотрели на него все так же пристально.

Возможно, им тоже было интересно, кто он такой, почему сидит здесь и бродит вокруг них кругами.

Папка с материалами Линнеи Дисы Скотт была обнаружена в пыльном шкафу в одном из кабинетов полицейского участка в Шерхольмене. То, что было в ней, до боли напоминало содержимое картонной коробки, которую Гренс опустил с полки архива округа Сити несколькими часами ранее.

Та же основательность и безнадежность, с одной только разницей. Если Альву искала только ее мама, то у Линнеи оказалось много родственников, каждый из которых всячески стремился хоть чем-то помочь расследованию.

Гренс пролистал текст заявления о пропаже, приказ об объявлении в розыск, копии которого были направлены патрульным машинам и водителям автобусов. Допросы, свидетельские показания, рапорты криминалистов – ко всему этому он вернется позже. Сейчас Гренса в том, что касалось девочки по имени Линнея, интересовали только две вещи. Материалы камер слежения с места ее пропажи и один документ, подписанный ее родителями, который мог изменить все.

* * *

Машина остановилась.

Я поднимаюсь, хотя лежать на заднем сиденье так приятно.

Мы приехали.

Я застегиваю зебровую курточку и поправляю голубую заколку-бабочку. Я хочу вернуться домой красивой. И тот, у кого такие мягкие и твердые руки и кто ведет эту совсем новую машину, открывает заднюю дверцу, чтобы я могла выскочить.

Но это не наш дом.

Это аэропорт, я его узнала. Вон там, у стеклянных дверей, мы встречали бабушку с дедушкой, когда они навещали нас на Рождество. Я слышу, как приземляются и поднимаются в воздух огромные самолеты.

Озираюсь вокруг – ни одного знакомого лица.

И тогда я спрашиваю у тех, кто знает мое имя:

– Где мои мама и папа?

Эверт Гренс решил начать с камер слежения.

Вставил флешку в компьютер, открыл файл.

Если первую девочку, Альву, вытащили из машины на безлюдной парковке, то обстоятельства похищения другой, Линнеи, выглядели совершенно иначе. Произошло это спустя одиннадцать часов после случая на парковке, если верить цифрам, мелькающим в нижнем углу экрана. То есть ранним вечером. Камера установлена на потолке шумного супермаркета. Сотни людей смеются, разговаривают, кричат и ссорятся друг с другом. Шаткие пирамиды на переполненных тележках – все, начиная от телевизоров и кончая чипсами.

Гренс ждал.

Спустя некоторое время приблизил лицо к экрану и увидел ее – маленькую девочку, беззаботно прогуливающуюся между стойками. Вне сомнения, это была она, Линнея. Полосатая курточка «под зебру» и заколка в виде большой бабочки, кокетливо закрепленная над челкой. Иногда она останавливалась – чтобы полюбоваться своим отражением на сверкающем корпусе тостера, перевернуть и слегка встряхнуть чашку со стеариновой свечой или потрогать мягкую упаковку салфеток. Девочка выглядела счастливой, поход в супермаркет с мамой и папой оказался полон приключений.

Спустя минуту и двенадцать секунд она снова прошла мимо камеры и только собиралась выйти из кадра, когда к ней потянулась рука. Она принадлежала взрослому мужчине, который двигался с учетом положения камеры. Они перекинулись несколькими фразами – девочка и человек-невидимка. Похоже, ему удалось в чем-то ее убедить, потому что Линнея взяла протянутую ей руку и куда-то пошла.

По телу Эверта Гренса пробежала волна – точно так, как тогда, на кладбище. Он стал свидетелем последних минут жизни человека. По крайней мере той части жизни, которая прошла на глазах его близких.

Он промотал запись вперед. В кадре появились мужчина и женщина, оба лет сорока. Потом исчезли и появились опять.

Беспокойные, напуганные, озлобленные.

Здесь комиссар поставил на паузу. Потому что среди моря покупателей – снующих, пакующихся и роющихся на полках – стояли, держась за руки, мужчина и женщина. Похоже, родители.

Гренс спросил себя, поняли ли они уже тогда, что больше никогда ее не увидят?

* * *

Паспорт, так это называется. И он самый настоящий, с лучшей моей фотографией.

Ни у кого из моих друзей нет такого. И у Якоба тоже нет. И у Матильды с Вильямом, потому что они еще маленькие. Я – нет.

На снимке я выгляжу на все шесть, потому что это такая игра. Я должна говорить, что мне шесть лет. Что это за игра, я не знаю, никогда раньше в нее не играла. Но она мне нравится, тем более что теперь у меня другое имя.

Я не могу прочитать, что там написано, но те, кто знает, как меня зовут по-настоящему, говорят, что теперь я Линн и мой день рождения летом, а не зимой, как раньше. Это мама с папой так придумали, и мы будем играть, пока их не увидим. Потому что они ждут нас там, хотя могли бы ждать здесь.

Гренс вытащил флешку с историей семьи, которой больше не существовало. В деле был еще один документ, и он мог изменить все.

Форма SKV 7695 – объявление пропавшего человека умершим.

Маленькие квадратные поля. Идентификационный номер пропавшей, персональные данные заявителей, ближайших родственников. Бесцветная, тоскливая бумажка, из тех, от каких за версту несет бюрократией. С той только разницей, что она завершает человеческую жизнь.

Родители, только что державшие друг друга за руки в кадре, надеялись в скором времени увидеть свою дочь. Теперь же, несколько лет спустя, их чаяния изменились. Они хотели ее смерти, потому что это лучше, чем ничего.

Именно так они объясняли свое решение на обратной стороне бумажки, где поля, более широкие, убористо исписаны синей шариковой ручкой.

Прошение в особую комиссию по объявлению смерти о сокращении предусмотренного законом пятилетнего срока ожидания и объявлении Линнеи Дисы Скотт мертвой.

Эверт Гренс часто думал о том, что самое неприятное в его работе то, что комиссару уголовной полиции иногда приходится выступать в роли вестника смерти. Сколько раз он заявлялся к людям, чтобы сообщить о том, что их сына, дочери, жены или мужа больше нет в живых? Тем самым он убивал их вторично, потому что до того момента умершие оставались живы в глазах их близких. Но то, чем занимались члены этой комиссии, было еще хуже. Они сами принимали решение в пользу жизни или смерти. В данном случае в буквальном смысле.

Исходя из:

а) обстоятельств пропажи; б) безрезультатности поисков; в) того, что со времени происшествия прошел длительный срок, комиссия признает, что Линнея Диса Скотт с высокой долей вероятности на сегодняшний день мертва.

Бывший советник правительства, профессор медицинской этики, писатель, пастор кафедрального собора, начальник отдела и юрист фабрики – судя по заполненным внизу полям – пришли к выводу, что девочка, которая разглядывала свое отражение в металлическом корпусе тостера в супермаркете и трогала товары на полках, больше не существует.

Принимая в расчет душевные страдания близких, срок ожидания сокращен до трех лет.

Гренс еще раз перечитал решение комиссии.

Три года.

Он вспомнил женщину на кладбище – «Вот уже три года, как она ушла от меня».

Она говорила о другом ребенке, но назвала тот же срок.

Гренс поднялся. Опять сел.

Времени оставалось всего ничего.

Он знал, как это работает. Никто не мог умереть таким образом, только после объявления в одной из центральных государственных газет. Решение комиссии вступало в силу, если после публикации не поступало опровержений.

Гренс вошел в систему, вышел на нужный сайт через «Гугл» и стал искать.

В общей сложности двадцать два человека ожидали ратификации своей кончины.

Он прокрутил список объявлений. Люди, которых в последний раз видели в Таиланде, на Катринехольме, в Сирии, в Мальмё, – и только двое детей. Семилетний мальчик, которого в последний раз видели в Норрчёпинге, и девочка, южный Стокгольм.

Линнея Диса Скотт, 1311101–2449, прошение об объявлении смерти

Проживала в Стокгольме, согласно реестру народонаселения. В последний раз появлялась в супермаркете в Шерхольме, в августе 2016-го. Согласно параграфу 7 (2005:130) будет объявлена умершей не позднее 23 августа 2019-го, заявление принято Шведским налоговым ведомством.

Двадцать третье августа, бог ты мой!

Эверт Гренс сверился по календарю.

Времени не просто всего ничего, его значительно меньше.

Завтра.

Это произойдет уже завтра.

Она умрет, на этот раз окончательно. Еще одну четырехлетнюю девочку предадут странному погребению – в пустом гробу.

* * *

Женщина в голубом пиджаке и такого же цвета брюках первая, кто видит мою фотографию. У нее высокая прическа и смех почти как у мамы. Но это не мама. Женщина смотрит на меня, потом открывает паспорт и смотрит в него и снова на меня. Как будто видит меня в двух местах одновременно. Ей нравится моя зебровая курточка. Женщина спрашивает, летала ли я когда-нибудь раньше?

Нет, не летала – ни я, ни Якоб. Она говорит, что это все равно что ехать на поезде, только нужно плотать, зажимать нос и выдыхать воздух в самом начале и в конце. Она отдает мне паспорт, который я прячу в потайной кармашек, подмигивает мне и желает счастливого полета.

К вечеру августовское тепло спадает, и дышать становится легче.

Эверт Гренс медленно прогуливается мимо вилл, окруженных темно-зелеными, несмотря на засушливое лето, лужайками. Уютно жужжат вращающиеся поливальные машины, словно живые существа, охраняющие каждая свой сад.

Дом, последний в длинном ряду массивных однотипных построек, встречает его большими освещенными окнами. Усталый скрип калитки – и комиссар пересекает двор, выложенный каменной плиткой. Здесь есть обо что споткнуться: футбольный мяч, два велосипеда с опорными колесами, фрисби и перевернутый скейтборд. Гренс стучится в круглое окошко на входной двери, одновременно нажимая кнопку звонка.

– Я открою! – отзывается изнутри сразу несколько голосов.

Гренс слышит топот множества ног, спешащих наперегонки к двери – и перед ним появляется мальчик лет семи-восьми в компании двух младших сестер в пижамах, отставших на каких-нибудь полшага.

– Привет, мама или папа дома?

– Кто вы?

– Меня зовут Эверт, и я...

– А меня Якоб. А это Матильда и Вильям.

– Привет, Матильда! Привет, Вильям! Дома мама или папа?

– И мама, и папа.

– Позовите их.

Гонки возобновляются, на этот раз в сторону гостиной через прихожую, и продолжают, насколько может слышать Гренс, на дальней стороне террасы. Спустя несколько минут к комиссару приближаются мужчина и женщина, с разных концов дома. Это родители – он узнает их по материалам камер слежения. За последние три года они постарели по меньшей мере на десять лет.

– Вы нас искали?

– Эверт Гренс, криминальная полиция округа Сити. Можете уделить мне минутку?

Они выбрали кухню. Так бывало чаще всего во время его посещений. Сколько чашек кофе выпил Гренс, пока подозреваемые, или преследуемые, или жертвы преступлений открывали ему душу. Сколько липких булочек с корицей съел.

Эта кухня выглядела, как и остальные – круглый стол, накрытый скатертью, и множество стульев разной величины: для взрослых и детей. Холодильник, дышащий толчками, серая полосатая кошка, пьющая воду из стеклянной миски, и старинный сервант с зажженной стеариновой свечой.

Они понятия не имели, что заставило комиссара криминальной полиции постучаться в их дверь и зачем он здесь, но с самого начала знали, о ком пойдет речь. Последние три года семья из пяти человек жила мыслями об отсутствующем шестом. Мужчина и женщина, так быстро состарившиеся, обменялись быстрыми взглядами. Как будто договорились, кто будет говорить о ней на этот раз.

– Якоб – он открывал вам – брат-близнец Линнеи. Мы с женой прошли через ад. Но даже мы не представляем себе, что пришлось вынести ему.

Взгляд у отца усталый. На висках сеть мелких морщинок, белки глаз в красных прожилках. Давно ему не доводилось спать всю ночь до утра.

– Зато младшие совсем ее не помнят. Матильде было два года, а Вильяму шесть месяцев, когда Линнея пропала. Для них она всего лишь девочка с фотографий. Линнея, воспоминания о которой наводят на людей грусть.

В глазах матери больше скорби, чем усталости. Возможно, она спит лучше супруга, но точно давно не смеялась.

– Вот это...

Гренс достает из внутреннего кармана пиджака свернутый листок бумаги – копию документа, который лежал в папке с материалами расследования.

– Вы подавали прошение об объявлении ее мертвой.

Гренс приложил все усилия, чтобы это прозвучало не как упрек.

– Я хотел бы попросить вас отозвать его.

Он отодвигает чашку и блюдо с булочкой и кладет бумажку на стол. Как будто она – вещественное доказательство, что-то вроде холодного оружия с их отпечатками пальцев.

Хотя в каком-то смысле так оно и есть.

– Простите, не поняла...

– Ну, я сказал...

– Я слышала, что вы сказали. Мы с мужем действительно подавали это прошение. Я только не понимаю, при чем здесь вы. Скоро три года, как наша маленькая девочка бесследно исчезла. И вы, комиссар Гренс, – вас ведь так зовут, если я правильно расслышала? – не принимали ни малейшего участия в ее поисках. Зато теперь, выпив с нами чашку кофе, требуете, чтобы мы...

Она не выглядит разгневанной, как этого можно было ожидать. Ни отчаявшейся, ни разочарованной, ни смилившейся – хотя имеет на это полное право. В ее словах не слышится ничего, кроме здравого смысла. Только голые факты, под напором которых незнакомому полицейскому ничего не останется, кроме как встать, извиниться и уйти.

– Вы поняли правильно, это и есть то, о чем я прошу.

Тогда вместо него поднимается она. И принимается делать то же, что и он, когда реальность наваливается на плечи грузом, который невозможно стряхнуть, – бродить по комнате из угла в угол. В ее случае между посудомоечной машиной и холодильником, кухонным окном и старинным сервантом. Там она останавливается и смотрит на Гренса.

– Зачем вам это?

– Если ее объявят мертвой, ни я, ни мои коллеги не получим ресурсов для возобновления расследования. Мы не сможем ни сотрудничать с другими отделами, будь то в нашем отделении полиции или вне его, ни запрашивать информацию. То есть все закончится.

– Но этого мы и добиваемся, – мать повышает голос. – Чтобы все наконец закончилось.

Пару секунд спустя на кухню вбегает мальчик по имени Якоб.

– Мама, мама, что случилось? Все хорошо?

Ему семь с половиной лет, но он говорит как взрослый. Как будто чувствует на себе ответственность, которую на него никто не возлагал.

– Все хорошо, дорогой.

– Но ты кричала.

– Я не кричала, всего лишь разволновалась немного.

– Из-за Линнеи?

Мальчик подходит к маме, протягивает руки и обнимает ее, как будто хочет утешить.

– Иди к себе, Якоб, хорошо? А мы с мамой поговорим с полицейским. Мы скоро освободимся.

Отец кладет руки на плечи старшему сыну, осторожно выводит Якоба из кухни и закрывает дверь, которая тут же открывается снова.

– Мама, папа, можно я посмотрю телевизор в комнате Линнеи?

Папа кивает, гладит сына по щеке. Снова закрывает дверь.

– Он все еще думает, что живет с ней в одной комнате.

Прокашливается. Теперь его очередь беседовать с полицейским о делах семьи.

– Однажды вы сообщили нам, что понизили наше расследование в приоритете. Что именно поэтому перестали ходить к нам, задавать вопросы и согласовывать детали, которые уже согласовали между собой.

Его кофе, как и жены, до сих пор стоит нетронутый. Только теперь мужчина опускает в него булочку с корицей и медленно прожевывает кусок, собираясь с духом.

– Мы ждали. Вы так и не объявились. Тогда мы решили взять дело в свои руки. Мы вложили в него все, что имели, все наше время. Наняли частных детективов. Давали объявления в газетах. Расклеивали ее фотографии – в Стокгольме не осталось ни одного почтового ящика, куда не попала информация о Линнее.

Он поворачивает голову, долго смотрит на Гренса.

– Но однажды ты понимаешь, что больше не вынесешь. Что посвящаешь жизнь тому, чего нельзя изменить. И сдаешься.

Усталость в глазах, но взгляд не окончательно потухший.

– У вас было время. Три года. Завтра ее объявят мертвой, и мы не будем ничего менять. Мы простимся с ней в узком семейном кругу. Только ближайшие родственники и немногие друзья, как можно дальше от полиции и представителей власти. И вы, комиссар, единственный из посторонних об этом знаете.

Отец кладет руку на плечо Гренса, как только что делал с Якобом, чтобы мягко выпроводить его из комнаты.

– Пойдемте навестим нашего мальчика.

Он ждет, пока комиссар преодолит порог в прихожей, и увлекает его направо, к лестнице на второй этаж. Детская третья по счету в небольшом коридоре, сразу после туалета и, судя по всему, родительской спальни.

– Привет, Якоб, мы к тебе. Не возражаешь, если я покажу комиссару твое жилище?

– Хорошо, папа.

Мальчик произнес это, даже не обернувшись. Не отрывая глаз от экрана, на котором под громкую музыку шло что-то вроде рисованного мультфильма, что требовало от семилетнего мальчика предельной концентрации внимания.

– Оглядитесь, Гренс, – отец обводит рукой помещение, – думаю, вы уже все поняли.

Да. Он понял.

Эта комната не принадлежит одному человеку, здесь живут двое. Каждая из двух половинок, на которые она делится, зеркально отражает другую. Две кровати-близнецы у таких же одинаковых стен. Одинаковые столы и аквариумы с золотисто-желтыми и мерцающими розовыми рыбками. Одинаковые плюшевые мишки с красными бантами в белый горошек на полу, каждый возле своей кровати. Различаются только надписи на щитках – «Здесь живет Якоб», «Здесь живет Линнея».

– Он до сих пор не понимает, что ее нет. «А Линнея с нами поедет?» – это когда мы куда-нибудь собираемся на машине. «Где будет сидеть Линнея?» – когда мы накрываем стол.

Три года прошло, ничего не изменилось.

– Думаю, надо дать ему понять, что все кончено. Примирить Якоба с мыслью, что ее больше нет. Помочь обрести целостность, насколько это возможно для близнеца. Решиться сказать ей «прощай», окончательно. Оплакаться ей, наконец. Перестать закрывать глаза на то, что случилось. И это нужно нам всем, мне и Марии прежде всего.

Эверт Гренс понимает, о чем он. Решиться, наконец, сказать «прощай», решиться оплакать. Но он пришел сюда именно за тем, чтобы уговорить их не делать этого. Пока, во всяком случае.

– Мы пытались...

В усталых глазах мелькнуло отчаяние. Отец перешел на шепот, чтобы сын не мог слышать его слов за громкими звуками рисованного мира.

– Мы меняли обстановку, переезжали даже, но... это ничего не дало. Новые комнаты обставлялись по образцу старых. Тех, в которых они жили раньше, и так, будто она там тоже

жила. Только бы у нас получилось похоронить ее, проститься навсегда. Если бы Якоб думал о сестре иначе, это дало бы ему возможность идти дальше.

Нетронутые детские комнаты-музеи, чьих обитателей давно нет на свете. Все это Гренс видел и раньше в домах убитых горем родителей. Как будто переставить мебель или упаковать вещи означало для них соучастие в преступлении. Но здесь другое. Не родители стремились остаться в прошлом, а ее семилетний брат-близнец.

– Между близнецами существует особая связь, так подсказывает мне опыт. Иногда они... просто чувствуют друг друга – беспокойство или когда угрожает опасность. Знают, жива их половинка или нет.

Эверт Гренс смотрит на мальчика, который живет в комнате, предназначенной для двоих.

– И это одна из тех вещей, которые нам не дано постичь.

Отец медленно кивает:

– Вы правы. Это очень похоже на то, что мы наблюдали у Якоба и Линнеи. Но комиссар, Якоб ведь не только брат-близнец. Он самостоятельная личность и должен позволить себе жить собственной жизнью. Жить, оставив в прошлом эту смерть.

– Все, о чем я прошу вас, – отозвать прошение об объявлении ее мертвой. Сколько времени вы можете мне дать? Месяц? Неделю? Дайте же мне возможность попытаться. Потому что я считаю, что вы ошибаетесь, а Якоб прав. Что рано сдаваться.

Отец не отвечает. Даже не оглянувшись на Гренса, выходит из комнаты и по лестнице спускается на кухню, к жене. Там и застает его Гренс мажущим в кофе очередную булочку.

– А теперь я хотел бы получить объяснения от вас, комиссар.

– Какие объяснения?

– С какой стати... – Ноль эмоций в голосе – холодный деловой тон и предельная собранность, – с какой стати это вдруг стало вам так интересно?

– Потому что это дело связано с другим, более ранним. По всей видимости, во всяком случае. И потом, завтра будет поздно.

– Ну хорошо, я переформулирую вопрос. Почему это так важно именно для вас?

Эверт Гренс смотрит в пустоту перед собой. Он явился сюда, чтобы задавать вопросы, а не отвечать на них.

И у него – как и в случае с Элизой Куэста, которую удивил его интерес к давно пропавшей девочке, – нет никакого разумного объяснения тому, что с ним происходит. Гренс делает, что и обычно – действует, потому что не может бездействовать. Идет вперед, уверенный, что со временем все поймет сам.

– Думаю, вам пора, комиссар.

Теперь слово снова берет мать. Супруги хорошо чувствуют момент, когда надо сменить друг друга.

– Вы сказали все, что хотели. А мы разъяснили свою позицию и теперь просим вас оставить нас в покое.

– Но чем может помочь мальчику, если его сестру объявят умершей?

– Вы слышали, что я сказала?

Она сорвалась. Делового тона как не бывало.

– У нас не осталось сил! За эти три года мы прошли через все. Видели и слышали все, что только может сделать с незащищенным ребенком взрослый человек.

С каждой фразой женщина все больше приближается к комиссару, и последние слова выкрикивает ему прямо в лицо:

– Линнея каждый день умирала у меня на руках!

Когда пару минут спустя Гренс снова вышел на августовский воздух, было так же тепло и тихо, как и когда он входил в дом. Комиссар словно шагнул в чьи-то объятия. Как будто все, что

только что так его волновало, осталось за закрытой дверью и не имело доступа к жизни, которая снаружи шла своим чередом. Он прошел между валяющимися на плитке двора игрушками и велосипедами и оглянулся, как только достиг улицы. Три пары глаз пристально смотрели ему вслед. В окне наверху – маленький мальчик, ни на минуту не усомнившийся в том, что его сестра жива. В то время как внизу, на кухне, стояли его родители, мать с отцом, решившие, что ей пора умереть.

* * *

Я спала, это точно. Сначала смотрела на облако, в которое мы влетели, а потом уснула. Когда проснулась, все вокруг было синим. Небеса – это как в раю. Я в небе! Обязательно расскажу об этом Якобу. Он, наверное, тоже ждет меня там. Поэтому мы и не встретились на выходе из большого магазина.

Похоже, я все-таки по нему скучаю.
Только совсем немножко.

Пустой гроб.

До сих пор Гренсу не приходилось участвовать ни в чем подобном, а ведь комиссар криминальной полиции имеет дело со смертью едва ли не каждый день.

Он хорошо понимал, что имели в виду родители Линнеи.

Может даже, понимал, что они чувствовали.

Линнея каждый день умирала у меня на руках.

Тем не менее распахнул дверь кабинета Эрика Вильсона и, продолжая идти прямо на него, заговорил, прежде чем шеф успел положить трубку телефона.

– Дайте же мне время.

Вильсон раздраженно замахал руками, прижал палец к губам.

Но Эверт Гренс, похоже, не был настроен разговаривать на языке жестов.

– Неделю? Четыре? Больше?

Теперь шеф положил трубку, оборвав невидимого собеседника на полуслове. И выглядел не особенно довольным.

– Как ты думаешь, для чего я закрылся у себя в кабинете? У меня был важный разговор. Я специально задерживаюсь на работе дольше других, чтобы уладить дела, требующие уединения. И именно в это время ты, Гренс, врываешься ко мне и хочешь...

– Три недели? Четыре? Больше?

– ...хочешь, чтобы я выслушал тебя, так? Чтобы ради тебя изменил свои планы?

– ...потому что я с самого начала был уверен, что следствие не использовало всех возможностей! – пытался перекричать его Гренс.

Она где-то там, живая или мертвая.

– Сядь, Гренс.

– Я хочу найти ее, вернуть родителям. Домой – живой или мертвой.

– Эверт, садись.

Эрик Вильсон ждал. Он замолчал и только смотрел на комиссара, выплевывающего ему в лицо фразу за фразой. Пока Гренс не опустил на один из стульев для посетителей.

– Ты нездоров, Эверт.

– Хватит причитаний. Я не молод, но не умираю.

– Элиза, она беспокоится за тебя.

Эверт Гренс громко застонал.

– То есть это она теперь вместо Херманссон? Вот кто действительно беспокоился о моем здоровье! Глаз с меня не спускала.

– Элиза подозревает, что с тобой не все в порядке.

Гренс всплеснул руками.

– Ну да. Голова немного кружилась. Но сейчас мне лучше.

– Лучше? Эверт, ты выглядишь измотанным больше, чем обычно. Притом что никогда не выглядел особенно бодрым. Ты бледен, слаб. Я давно заметил, Элиза всего лишь напомнила мне. Я ведь не только твой начальник, я за тебя отвечаю. Отвечаю персонально – за тебя. Ты сорок лет работал здесь на износ и до сих пор уходишь с работы позже всех, если уходишь вообще. Ты всего повидал, Гренс. Не удивлюсь, если дело кончится каким-нибудь посттравматическим стрессом. Стресс – реакция на душевную травму. И необязательно связанную с конкретным событием, причина может быть и совокупной.

Гренс поднялся. Сел снова, на этот раз на стол Эрика Вильсона.

– Хватит, Вильсон.

– ...а я повидал полицейских. Знаешь, какие парни прошли через мои руки? Суровые, опытные, они не желали слушать никаких предупредительных сигналов. Никаких звоночков – все это выдумки. Обычно это плохо кончается, Гренс. Опасность важно разглядеть вовремя.

Стол скрипел, как будто намекал на что-то, но комиссар не двигался с места.

– Ты прав, я повидал много. И научился дистанцироваться от тяжелых воспоминаний.

– Это не всегда работает, Гренс.

– Это работает безотказно. У меня, во всяком случае.

– Однажды может не получиться и у тебя. Воспоминания догонят... Рано или поздно дадут о себе знать, есть у них такое свойство. И тогда тебе придется иметь дело со всеми призраками сразу. Придется, Эверт!

Гренс наклонился к шефу, и скрип перешел в нечто, похожее на жалобный металлический скулеж.

– Как долго я смогу этим заниматься, Вильсон? Пять недель? Шесть? Может, семь?

Эрик Вильсон был высокий, широкоплечий мужчина. Может, поэтому он никогда не повышал голос? В этом не было необходимости, поскольку авторитет был как будто встроен в его тело изначально.

Но сейчас Вильсон закричал:

– Ты вообще не будешь этим заниматься! Потому что не получал такого задания, я же уже объяснял тебе сегодня после обеда. И сейчас, после того как выйдешь из этого кабинета, ты займешься теми делами, которые лежат у тебя на столе. Официальными расследованиями! А об этой семилетней девочке, которую завтра объявят мертвой, советую тебе забыть.

Не такое уж большое расстояние разделяло кабинеты Вильсона и Гренса, но в тот вечер комиссар так и не вернулся на свое рабочее место. Вместо этого он развернулся и покинул полицейское здание, где даже стены имели уши. Гренсу нужно было сделать один звонок и так, чтобы его никто не слышал. Потому что Гренс собирался обратиться к тем, с кем ни при каких других обстоятельствах ни в кое случае не стал бы иметь дело.

До сих пор он старался держаться как можно дальше от пресс-конференций, а если не получалось, отделялся несколькими пустыми фразами. Журналисты существовали для него в виде желтых стикеров с телефонными номерами, которые записывал какой-нибудь бедолага с регистрационной стойки, – только для того, чтобы Гренс потом одним движением смел все это в мусорное ведро.

И вот теперь он решил обратиться к ним сам, потому что нуждался в их помощи.

Как и любой аноним, он был немногословен. Информация носила частный характер, поэтому предназначалась лишь немногим избранным редакциям. Прежде всего тем, кто имел дело с историей девочки, пропавшей три года назад.

Теперь она получила продолжение.

Похороны. Девочки, которая так и не вернулась домой.

* * *

Теперь мы почти прилетели – так сказал голос в динамике. (Думаю, это говорят те самые люди, которые постоянно ходят по самолету и спрашивают, не хочу ли я чего-нибудь съесть или выпить. Я не отказалась ни разу!) Мы идем на посадку и снова оказываемся в облаке. А может, пролетаем сквозь него – этого я не знаю. Знаю только, что голубое небо осталось где-то там, вверху. Это единственное, в чем я уверена.

И еще в том, что теперь еще больше скучаю по Якобу.

Да.

Теперь еще больше.

Он пробовал уснуть дома, но черная дыра, в которую превратилась постель, продолжала расти. Хотя, похоже, вздремнуть все-таки удалось, потому что Гренс видел сон.

Ему снилась женщина со скамьи на кладбище, которую, как он теперь знал из материалов закрытого расследования, звали Йенни. При этом она очень походила на Анни. Выглядела как Анни, и говорила как Анни, и носила так и не родившегося ребенка – совсем как Анни.

Комиссар проснулся в холодном поту, настолько реальным все это ощущалось. Она была как живая, но разве она не была таковой на самом деле? Проснувшись, Гренс долго бродил по огромной квартире, в которой жил один, из комнаты в комнату. Что он здесь делал? Все казалось ему чужим. Он вышел на балкон, но на этот раз и там не нашел покоя. Когда на крышах заиграли первые лучи солнца, Гренс спустился на Свеавеген и зашагал по безлюдным улицам к зданию полиции на Бергсгатан. И там, на вельветовом диване, впал наконец в глубокий сон. Совсем ненадолго, но, когда по гулким коридорам разнеслись шаги первых ранних птишек, он чувствовал себя вполне отдохнувшим и полным сил.

Завтрак он, как всегда, доставил себе сам из автоматов возле комнаты отдыха. Два черных кофе в пластиковых чашках и бутерброды с ветчиной и сыром в пластиковых упаковках. Гренсу требовалось подготовиться к следующему звонку, который так отличался от тех, которые он сделал вчера вечером.

– Да?

– Доброе утро... Мы с вами не знакомы, но встречались один раз.

– Кто вы?

– Мы сидели на одной скамейке несколько дней назад... перед белым крестом на кладбище, помните?

Зависла пауза. Ее дыхание – Гренс скорее чувствовал его, чем слышал. А когда ее голос вернулся в трубку, он был совсем тихим и осторожным.

– На одной скамейке?

– Да.

– Так это вы?

– Да.

– И чего вы хотите?.. Как вы вообще узнали, кто я... Мой номер?..

– Из материалов полицейского расследования о пропаже девочки на парковке. Которое, возможно, будет возобновлено.

– Но... я не просила об этом.

– Я знаю.

– Это никогда не афишировалось... Что-то не так с тайной предварительного следствия?

– Я...

Гренс осекся, не зная, что говорить дальше, и обрадовался, когда она поспешила к нему на помощь.

- Так вы полицейский?
- Комиссар криминальной полиции.
- И не сказали об этом?

– На кладбище я был как частное лицо.

Женщина опять замолчала. Надолго – Гренс уже думал, что она повесила трубку.

– Алло, вы...

– Я здесь. И спрашиваю, чего вы хотите?

Теперь настала очередь Гренса молчать. Обычно у него хорошо получалось разговорить человека. Но этот случай был не совсем обычный, потому что расследования как такового не существовало.

– В общем, я хотел бы встретиться с вами еще раз. На кладбище, если можно.

– Романтика.

Гренс представил себе, как она усмехнулась.

– Это связано с моей работой, не более того.

– То есть допрос? На кладбище?

– Вы даже не представляете себе, как много места занимает смерть в моей работе. Я всего лишь хотел показать вам несколько фотографий. И минимум формальностей, никаких бумаг и протоколов.

Женщина как будто сомневалась, он чувствовал ее осторожное дыхание. Незнакомый мужчина предлагал ей встретиться на кладбище – очень может быть, что на ее месте Гренс повел бы себя так же.

– Когда? – послышался уже более уверенный голос.

– Прямо сейчас, если вам удобно.

– Хорошо. Заеду на кладбище по дороге на работу. Через час вас устроит, комиссар?

Спустя час, минута в минуту, Гренс сидел на парковой скамейке перед участком 603, квадрат 198. Он уже побывал на могиле Анни – полил цветы из лейки, убрал напáдавшие листья, вырвал сорняки. Но сегодня он приехал сюда не к Анни, а ради той девочки, чей пустой гроб покоился в могиле несколькими рядами в стороне, и еще ради одной, такой же маленькой, которая будет похоронена здесь через несколько часов.

Прошло десять минут, он все так же сидел один. Она опаздывала. Гренс встал, принялся ходить между крестами и могильными памятниками. Иногда останавливался, чтобы посмотреть даты, подсчитать, сколько прожил человек, и вздыхать. Одним был отпущен долгий срок, другим совсем короткий, и это казалось комиссару вопиюще несправедливым.

Он вспомнил своего отца, которого видел всего несколько раз в жизни, но за могилой которого, тем не менее, ухаживал. Там был красивый памятник, черная гранитная глыба с высеченными на ней золотыми буквами.

Мать Гренса покоилась на другом кладбище, в другой части города. Жена здесь. Дочь – чуть в стороне, в мемориальной роще.

Что останется от человека, если уничтожить следы всех контактов с другими людьми? Что объединит разрозненные стороны личности в одно целое?

Этого Гренс пока не знал. Совсем недавно он пытался смириться с тем, что, по его мнению, шло не так. Найти в себе новые силы, подняться. И не ради того, чтобы жить как раньше. Вернуться назад, но чуть изменившимся. Потому что измениться – иногда единственный выход.

– Я опоздала, простите.

Женщина оказалась ростом выше, чем он запомнил. Короткие черные волосы собраны в два «хвостика», и взгляд все такой же уверенный – такие глаза не отводят ни перед чем.

– Спасибо, что пришли. Присядем?

Гренс показал на не совсем устойчивую парковую скамейку, и они опустились на вчерашние места, как будто успели к ним привыкнуть.

– Вы говорили о каких-то фотографиях, – напомнила женщина.

И никаких «вежливых фраз». Гренс должен был возблагодарить ее, хотя бы мысленно, поскольку терпеть не мог пустой болтовни. Но вместо этого почувствовал себя слегка разочарованным.

– Вы – ее мать, Альвы, я имею в виду. Вы ведь так ее называете?

– Да, Альва.

– Я не спрашиваю ни о ее отце, ни о других родственниках. Меня не интересует, почему вы одна. Но именно поэтому вы единственная, к кому я могу обратиться. Вы были ее вселенной. Вы знаете, как она выглядела. Вам известно больше, чем кому бы то ни было.

Гренс достал из внутреннего кармана пиджака смятый конверт и расправил его, насколько такое было возможно, на деревянных планках сиденья. Вытащил кипу фотографий и протянул женщине.

– В тот же день, когда вы потеряли свою дочь на парковке, в полицию поступило заявление о пропаже еще одной четырехлетней девочки, которая также никогда не вернулась к родителям.

Верхней оказалась студийная фотография – вымученная улыбка, неуклюжие декорации.

– Кто она?

– Линнея. Пропала спустя несколько часов после Альвы, в нескольких километрах от вашей парковки. Вы никогда ее раньше не видели?

– Очень может быть.

– Может быть?

– Не уверена, но как будто из объявлений о розыске. Думаю, одно из них лежало в моем почтовом ящике, именно с этим фото. Я запомнила его, потому что и сама...

Отчаянный вопль о помощи родителей Линнеи. Похоже, его и в самом деле услышали все в этом городе.

– А в жизни видеть ее не приходилось?

– Нет.

Следующий снимок был копией того, что в позолоченной рамке стоял в детской, которую Линнея все еще делила с братом. Ребенок смеялся в камеру, всем своим видом выражая желание жить. Гренс выбрал этот и еще следующий, потому что на нем Линнея была в окружении других детей.

– А теперь взгляните сюда.

– Да?

– Нет, не на нее. На остальных.

Йенни подсчитала, сколько их там было – девять человек. И все выглядели такими же счастливыми, как и Линнея.

– И что я здесь такого должна увидеть?

– Нет ли среди них вашей девочки?

Женщина взглянула на фотографию. Потом на следующую, на которой Линнея тоже была не одна, и таким образом быстро просмотрела всю пачку.

– Нет.

– Уверены?

– Уверена. Альвы здесь нет. Ни на одной из них.

Она вернула кипу, которую Гренс тут же убрал во внутренний карман. Больше говорить было не о чем. Гренса спасла проходившая мимо пожилая пара. Мужчина и женщина поздоровались с ним и Йенни, как это обычно делается в местах, где людей объединяет горе. Гренс

ответил на приветствие, и старики удалились. Когда хруст гравия под их ногами стих в отдалении, неловкое молчание возобновилось, и на этот раз ситуацию спасла Йенни.

– До сих пор не знаю, как вас зовут.

Она осторожно улыбнулась.

– Вы не представились ни вчера, ни сегодня утром по телефону.

– Эверт.

Он прокашлялся:

– Эверт Гренс.

– Очень приятно, Эверт Гренс. А я, как вы уже, наверное, знаете, Йенни. И еще раз спрашиваю у вас, чего вы от меня хотите.

– Чего хочу?

– Если вы надеетесь убедить меня, что эти бесполезные снимки и есть причина нашей с вами встречи...

– Они не бесполезные.

– Правда?

Она всплеснула руками. Улыбка стала уверенней – больше никакой пустой болтовни.

– Ну, хорошо. Допустим, я хотел от вас чего-то еще, кроме этих снимков...

Она еще раз всплеснула руками. Ждала продолжения.

– Я полагаю, что истории Альвы и этой девочки как-то связаны между собой.

– Связаны?

– Они ровесницы. И пропали в один день, с разницей в несколько часов. Но их дела никогда не объединялись. Одно закрыто. Другое понижено в приоритете, потому что и полицейские, и родственники устали так, что осталось только сдаться. Туннельное видение, так я это называю. Неудивительно, когда дел все больше, а следовательские ресурсы все на том же уровне.

Женщина опустила руки и откинулась на спинку скамьи, которая угрожающе затряслась.

– Зачем вы мне все это говорите?

– Сам не знаю. Просто мне кажется, что именно вы запустили все по новой. Очень может быть, что оба расследования будут продолжены, пусть неофициально. Сейчас я не могу обсуждать это ни с коллегами, ни с начальством. Но главное даже не это. Понимаете, я дал себе клятву никогда больше не ходить на похороны. Но сегодня, уже через пару часов, здесь будет похоронена девочка с фотографий, которые вы только что разглядывали. Точнее, в память о ней будет зарыт еще один пустой гроб. И я не могу явиться на церемонию один.

* * *

Толчок – и все вокруг подпрыгивает.

Так бывает всегда, когда приземляется самолет. Это говорит тот, кто знает мое имя.

И еще он сказал, что мне нечего бояться.

Но я и не боюсь.

Разве совсем немножко.

Мужчина в зеркале выглядел нелепо.

Пиджак никак не застегивался на животе. Брюки оказались коротковаты, хотя Гренс давно перестал расти. Ботинки следовало бы почистить кремом. Сделать узел на галстук тоже не получалось, как Гренс ни старался.

Комиссар отошел на несколько шагов от зеркала в прихожей, как будто это могло помочь.

Черный костюм, который он больше никогда не наденет, висел в старом шкафу на чердаке. Белый галстук обнаружился в гардеробе в спальне, среди сложенных полотенец и наволочек.

Единственным разумным решением было бы отправиться в полицейский участок и попросить помощи Свена Сундквиста, старшего коллеги и лучшего друга Гренса. Не менее разумным представлялось обратиться к Эрику Вильсону, который тоже был специалистом по галстукам. Но ни тот, ни другой не должны были видеть траурного костюма. Вильсон ясно дал понять, что дело закрыто. А Свен, конечно, напомним, чем обычно заканчивались несанкционированные расследования Гренса и о том, как легко в таких случаях слететь с катушек.

Поэтому комиссар, как мог, сам расправил галстук, который тут же сморщился снова. Пригладил поредевшие волосы, которые почему-то легли не на ту сторону, вздохнул, запер входную дверь и спустился в подъезд, оставив свое отражение дома.

Уже на пути к машине комиссар толком не знал, что он делает. Почему не поехал в больницу на обследование? Головокружение – опасный симптом, признак надвигающегося инфаркта, гипертонии и тысячи других недугов. Зачем же тратить время и силы на то, до чего Гренсу не должно быть никакого дела? Может быть, именно на этот раз имело бы смысл вернуться, пока не поздно?

Они встретились, как и было условлено, у подножья длинной лестницы Северной часовни, под морозящим дождем, который испарялся, не достигнув земли. Она была в черном и держала обернутый в бумагу букет красных роз. Было ли дело в ее манере держаться или что-то такое мелькало в ее взгляде, но при виде Йенни Гренс, как и в прошлый раз, первым делом вспомнил об Анни.

Когда она обняла его, комиссар попятился от неожиданности, но потом увидел, что почти все присутствующие здороваются таким образом. Возможно, из желания хоть как-то согреться на таком холоде.

Они явились рано, лишь пара фотокорреспондентов в стороне ожидала начала церемонии. И Гренс подавил в себе желание подойти и поблагодарить их за то, что пришли. Изящное здание церкви, будто отталкивающееся от земли двумя боковыми стенами, устремляясь к небу мягкими очертаниями сводчатого купола, внутри так же оказалось пустым.

Если занять места справа от входа, где-нибудь подальше, за выставленной небольшой ширмой, чуть закрывающей вид на алтарь, шанс остаться незамеченными достаточно велик.

Вскоре передние скамьи оказались заполнены. Негромкие голоса отскакивали от стен и витали вверху под самым куполом. На массивной каменной плите, окруженный зажженными стеариновыми свечами, стоял пустой гроб.

– Спасибо, – прошептал Гренс, наклонившись к Йенни. – Спасибо, что пришли.

Йенни огляделась, словно проверяя, насколько прилично здесь беседовать:

– Мне все еще непонятно, что я здесь делаю.

– Просто я не умею вести себя на похоронах, мне нужна поддержка.

– Зачем здесь вы, мне тоже не вполне ясно.

– Это последний шанс понять хоть что-нибудь. Увидеть то, чего не увидели следователи.

В этот момент невидимый орган прервал любую попытку разговора вступительным псалмом – гимном покоя и скорби. Теперь уже ничто не могло остановить церемонию.

Хуже было только само прощание, обход гроба. Люди выстроились в очередь, чтобы проститься с девочкой, которую власти, по просьбе родителей, объявили мертвой.

В такие моменты обнажается человеческая душа.

Люди обращают к залу лица, исполненные неприкрытой боли и скорби.

Гренс увидел Якоба, брата-близнеца Линнеи. Мальчик выглядел так, будто чему-то отчаянно сопротивлялся. Каждый в этом зале всячески стремился сломать его уверенность в том, что сестра жива, но Якоб держался.

На свежем воздухе сразу стало легче дышать. Дождь все еще сеял осторожными каплями, но в просвете туч показалось солнце. Йенни и Гренс держались в стороне, когда остальные подходили к могиле и бросали цветы на гроб. Красные, белые и желтые розы. Похоже, даже голубые ирисы в руках нескольких пожилых женщин. Толпа сгрудилась возле могилы, и стало трудно разглядеть, что там происходило. Гренс слышал только, как люди пели «Любит наш Господь детей» и другие псалмы, которых он не знал. В просвете между спинами мелькнула фигура Якоба, который как будто тоже подошел к яме, но быстро отбежал обратно.

Они с Йенни стояли в небольшой рощице между голых березок. Когда толпа начала рассеиваться и оба кладбищенских сторожа приготовились засыпать мелкую могилу землей, они вышли, чтобы бросить на гроб каждый свою красную розу.

– Я заметил вас еще в церкви.

Гренс смотрел на пустой гроб, поэтому не заметил, как рядом с ним оказался отец Линнеи.

– И теперь вы осмелились приблизиться к ее могиле.

Голос дрожал, как этого вполне можно было ожидать от человека, только что похоронившего дочь. Но глаза, не знавшие сна последние три года, вперились в инспектора.

– Мы просили оставить нас в покое, но вы, похоже, не поняли.

Он отделился от семьи. Мать Линнеи, сестра и братья ждали у асфальтированной дорожки. Гренс не ожидал такого натиска и не был к нему готов.

– И это вы позвонили фотографам, ведь так?

Это было то, чего Гренс не мог понять. Люди, до сих пор повышавшие на него голос, имели на это полное право. Когда Гренс вел себя по-свински, у него не возникало проблем с тем, чтобы публично это признать. Но не на этот раз.

– Потому что из посторонних нам людей вы один знали об этом.

– Я не понимаю...

– Чего вы не понимаете?

– Вы сами связались с газетчиками, когда давали объявления о пропаже Линнеи. И теперь они всего лишь хотят завершить начатую историю. Покончить со всем этим так же, как и вы. Что вас так раздражает?

– Вы должны были оставить нас в покое, вас просили об этом! Всему этому пора завершиться, ради нашей семьи... Ради Якоба...

– Нет.

– Нет?

– Я все еще не понимаю, что вас так разозлило. Я всего лишь делаю свою работу, что в этом может быть плохого? Я здесь как представитель полиции, ради вашей дочери. Я...

– Мы уходим.

Йенни схватила инспектора за рукав, прервав его отчаянную попытку объясниться.

– Чего я точно не хочу, так это причинять людям беспокойство. Мы уходим отсюда, и немедленно.

Она потянула Гренса за руку – прочь от отца с усталыми глазами, полными гнева и отчаяния, прочь от гроба, покрытого пестрыми цветами. Они пересекли лужайку, ставшую скользкой после дождя, мимо часовни и будки с инструментами кладбищенских рабочих, к дороге. У самых ворот она остановилась.

– Это правда?

Резкий шепот, словно выплевывая слова.

– Правда то, что говорил ее отец? Они просили оставить их в покое?

Гренс молчал, потому что ответ был очевиден.

– Я ввязалась в это, потому что ваше начальство и коллеги не хотели заниматься закрытым расследованием, и сделала это ради ее безутешных родных. Ради моей Альвы. Я думала, вот, наконец, объявился полицейский, который жертвует своим временем ради тех, кто нуждается в его помощи. И вот теперь я узнаю, что именно ее родные не желают продолжения расследования! Что это они просили вас оставить их в покое.

Инспектор молчал. Никогда еще траурный костюм не был ему так тесен.

– В следующий раз, когда увидите меня на кладбище, не приближайтесь. Держитесь подальше, прошу вас. И не звоните мне больше. Давно я не оказывалась в таком глупом положении.

Она зашагала прочь, широко и решительно. Даже этой походкой – уверенным ритмичным стуком – напоминая Анни. Свернула в сторону дорожки для кладбищенских служителей, где, как догадывался Гренс, припарковала свою машину.

Гренсу идти было некуда. Дождь усилился, но он этого не замечал. Подождал, пока последние живые покинут территорию кладбища, и вернулся к могиле Линнеи. Оба рабочих, словно соревнуясь в скорости, спешили сровнять с землей то, что должно было символизировать смерть маленькой девочки.

– Привет.

Гренс испуганно оглянулся.

– Я кое-что здесь забыл.

Якоб. А рядом в траве плюшевый мишка с красным бантом в горошек. Как видно, мальчик хотел опустить его в могилу, но передумал.

– Вы ведь полицейский, правда?

– Правда. Я полицейский. И приходил к вам домой по полицейскому делу.

– И вы найдете ее?

Взгляд – уверенный, устремленный в глаза комиссара снизу вверх.

Сам Гренс не чувствовал в себе такой уверенности, тем не менее кивнул:

– Да.

Нужно же было что-то ответить.

– Я обязательно...

...и сделать это иначе было невозможно:

– ...найду ее.

Он не стал добавлять «живой и невредимой».

– Это хорошо. Все говорят, что она уснула навсегда, что так рано или поздно бывает с каждым. А я верю, что когда-нибудь увижу ее снова. Я чувствую Линнею, животом. Я знаю, что она жива.

Мальчик до сих пор не сомневался в той единственной истине, которую был в силах вынести. Спасая плюшевого мишку от дождя, он завернул его в куртку.

– Якоб!

Мама мальчика быстро и уверенно приближалась через мокрую лужайку.

– Немедленно иди сюда! Мы должны... мы должны держаться вместе, Якоб.

Гренс проследил глазами, как они удалялись – рука в руке? – и побрел к белому кресту над могилой другой девочки. Дождь тем временем перешел в ливень, и комиссар решил отдохнуть на скамейке возле Анни. Так приятно было сидеть, не видя ничего вокруг. Редко когда он бывал таким мокрым. Белый галстук скомкался окончательно, и комиссар выбросил его в мусорную корзину возле скамьи.

В этот момент зазвонил телефон.

Гренс взглянул на дисплей и решил было не отвечать, но потом сдался.

– Какого черта, Эверт!

Эрик Вильсон, его шеф.

– Почему ты не можешь оставить их в покое? Это не твое расследование. Я видел фотографию на сайте «Дагенс Нюхетер», какого черта ты делал на кладбище?

Тот же тон, что и вчера.

– Они звонили мне буквально только что. Ты приходил к ним, задавал вопросы, зачем? Это не твое расследование! Никогда не чувствовал себя таким дураком. Понимаю, зачем ты создал газетчиков. Хотел привлечь внимание общественности. Общественности! Как будто таким образом меня можно переубедить. Последняя надежда отчаявшегося! Я ясно дал тебе понять, что дело закрыто. И еще, что ты устал. Заработался и должен отдохнуть. И вот теперь приходится начинать все сначала. Но на этот раз я не прошу. Я приказываю. Эверт, где бы ты ни был сейчас, не возвращайся в отделение. Ступай домой и оставайся там.

– Домой?

– Отныне ты в отпуске, в отгуле – называй это, как хочешь. Получаешь деньги и ни черта не делаешь. И я прошу тебя за это время посетить врача. Займись, наконец, своим здоровьем, душевным и телесным.

– И что мне, по-твоему, делать дома?

– Отдыхай, Эверт. Гуляй, займись собой, наконец.

– Я никогда не отдыхаю. Я работаю, и только это держит меня на плаву. И если я...

– Это твои проблемы, Эверт. Ты не должен появляться на работе в таком состоянии. Ты у края пропасти, Эверт, и рискуешь в нее свалиться. И мы не хотим этого так же, как и ты.

– Я в полном порядке. Просто встретил одну женщину на кладбище...

– На кладбище? Какую женщину?

Эверт Гренс молчал, и Эрик Вильсон снова взял слово:

– Значит так, Эверт. Слушай сюда. Ты никогда не покидал полицейского участка на более-менее длительный срок, за исключением тех редких случаев, когда бывал отстранен за превышение должностных полномочий. Ты не использовал свой отпуск, несмотря на мои многочисленные напоминания. И вот теперь все эти недели в твоём распоряжении, как за прошлый год, так и за нынешний. И дальше откладывать некуда, иначе придется сидеть в отпуске до самой пенсии. Двенадцать недель – вот сколько ты будешь отдыхать. А когда вернешься, от твоего отпуска ничего не останется. Но больше он тебе и не понадобится, потому что, как я уже сказал, ты посетишь врача и основательно обследуешься.

Эверт Гренс смотрел на дождь.

Потом лег на спину. На скамейку.

Лицом вверх – так, что капли, падая, разбивались у него на лбу, носу и щеках.

Похоже, он все-таки уснул. Во всяком случае, побыл некоторое время в мире без четких форм и очертаний между сном и явью, где мысль значит так много и ничего. *Вы ведь полицейский и найдете ее, правда?* Ему снился мальчик, соскользнувший в могилу сестры, и две женщины, очень похожие друг на друга, похоронившие общего ребенка. А сам Гренс то тонул, то убегал от кого-то, но в конечном итоге так и не смог удержать мальчика от падения в могилу. *Я чувствую Линнею, животом. Я знаю, что она жива.*

Так он и лежал, пока не определился с дальнейшими планами.

С направлением, в котором нужно двигаться, и с исходной точкой.

Гренс поднялся. Некоторое время посидел на промокшей скамье и пошел дальше – к могиле в восточной части кладбище и мемориальной роще.

В ботинках плескалась вода.

Он никогда не был здесь раньше. За тридцать с лишним лет навестить их с Анни дочь так и не получилось. Потому что, в отличие от Йенни, комиссар однажды решил, что тот, кого не существует, не существовал никогда. И если он сегодня все-таки дойдет до нее, может, даже поговорит с ней, как с Анни, то потом отправится домой, где будет спать в светлое время

суток, а ночами, в отделении полиции в Крунуберге, искать связь между двумя могилами. Потому что кто-то ведь должен позаботиться о маленьких девочках. Потому что все это время Гренс ошибался и человек существует, пока он жив в чьей-то памяти. Потому что расследование не завершится от того, что какой-то полицейский сдал в архив папку с бумагами. Оно останется незавершенным, невзирая на то, что до этого никому нет дела. Потому что рано или поздно все равно случается нечто, что пробуждает прошлое к жизни – кто-то о чем-то вспоминает, в чем-то раскаивается, кому-то о чем-то рассказывает.

Дает о себе знать, так или иначе.

* * *

Мы встали друг за другом, – все, кто в самолете. И это похоже на змею, которая медленно ползет в проходе между пустыми креслами. У меня одной нет сумки. Зачем она мне, если я скоро поеду домой и наконец узнаю, что за игру такую придумали мама с папой и почему ушли из большого магазина, прежде чем подъехала машина и самолет взмыл в облака? Почему они исчезли, не дождавшись меня? Между тем змея ползет все дальше – вниз по лесенке на асфальтированную площадку перед самолетом, потом в автобус, а из него в зал, где меня все ждут. Они, конечно, успели соскучиться, хотя и суток не прошло с тех пор, как мы виделись в последний раз.

Мне немножко любопытно, как все это будет выглядеть.

И еще, будет ли там Якоб.

Думаю, что будет.

Часть 2

Оба приготовились постучаться в самое сердце тьмы.

Кабинета ему уже недостаточно. Некоторое время Эверт Гренс бродит между окном и дверью, диваном и книжным шкафом, но вскоре, устав цепляться то за одно, то за другое и наступать себе на пятки, выходит в пустой коридор следственного отдела. Эхо шаркающих шагов заполняет гулкое пространство.

Без четверти три.

Гренс одинок, как и каждую ночь.

Около десяти вечера, за два часа до полуночи, самое удобное время проникнуть сюда, если хочешь остаться незамеченным. Прошмыгнуть через черный ход и сразу на лестницу. Лифтов Гренс не любит. В случае чего на площадке возле лифта негде спрятаться, не говоря о самом лифте. Не то что в темных коридорах.

Теперь Гренс знает, как кашляет кофейный автомат, прежде чем – как по щелчку – смолкнуть.словно простуженный. И шипение копировального аппарата, похожее на недовольный шепот. Слишком привычное, чтобы заметить его днем.

Гренс вытаскивает мобильник и набирает Марианну Херманссон, – вот уже в четвертый раз за эту ночь.

Нет ответа.

Одно время, когда Анни не стало, комиссар часто разговаривал с Марианной, потому что она задавала правильные вопросы и не давала его мыслям ускользнуть в нежелательном направлении. Марианна, как и Йенни, которую Гренс почти не знал, но с которой охотно общался бы и не только во сне, сдержала данное некогда слово держаться от комиссара подальше. И Гренс скучал по ней, что его совсем не удивляло.

Прошло одиннадцать недель с того дня, когда он, в насквозь промокшем траурном костюме, смотрел, как падали комья земли на пустой гроб, усыпанный красными розами и голубыми ирисами. С тех пор он ни на минуту не расставался с двумя маленькими девочками. Они играли в его мыслях, взявшись за руки, болтали и никак не желали оставить комиссара в покое. Он нарушил первое правило полицейского – не давать преступникам и их жертвам проникнуть в твою частную жизнь, удерживать их в границах расследования. И это после стольких лет работы в полиции!

Он продолжал бродить из одного конца коридора в другой, сквозь пыльный воздух и тишину полицейского участка. Восемь кругов с двумя остановками возле торгового автомата. Джем в алюминиевой формочке, бутерброд с сыром и паприкой. Между тем как сумерки снаружи постепенно начинали рассеиваться.

– Гренс?

Голос откуда-то сзади заставил его вздрогнуть.

– Это ведь ты, кто же еще.

Эверт Гренс обернулся. Далеко в конце коридора маячила сгорбленная костлявая фигура.

Черт, его засекли.

Фигура пошла на Гренса. Шаги длинных, худых ног были гораздо мягче, чем у Гренса, и поэтому почти беззвучны.

– Вернер?

– Да.

Гренс знал инспектора Гуннара Вернера сколько себя помнил. Оба они поступили на службу одной и той же зимой, оба часто задерживались допоздна: дорабатывали последний год до пенсии и одинаково плохо представляли себе, что будет дальше.

– Я знал, где тебя можно найти в пятницу вечером. Ну конечно, в коридоре следственного отдела, там, где тебя уже не должно быть.

– И откуда же ты это знал?

– Шутишь? За сорок с лишним лет службы Эверт Гренс ни разу не покидал этого здания больше, чем на пару дней. Это знают все. Как и то, как ты бродишь здесь под покровом ночи. Готов спорить, что твой начальник тоже в курсе, просто не предпринимает ничего, пока не застиг тебя на месте преступления.

Они замолчали, продолжая бок о бок мерить коридор шагами. Когда они в третий раз разворачивались возле лифта, Вернер снова заговорил:

– Я хорошо понимаю тебя, Эверт. Вряд ли найдется другое такое место, которое бы так располагало к работе. Такая тишина и никого нет.

Последние несколько десятилетий Вернер работал на прослушке. Только таким Гренс его и помнил – в больших наушниках, окруженного множеством разноцветных проводков и мониторов. После реорганизации Вернер перешел из группы прослушивания в национальный оперативный отдел и стал работать не столько со звуками, сколько с изображениями. А именно: вел беспощадную войну с криминалом в Интернете.

– Но я спрашиваю себя, чем все это может кончиться, Эверт? Иногда ведь нужно подумать и о себе, так? Не стоит поджигать свечу с двух концов одновременно. А это именно то, чем ты занимаешься.

– Я не уйду, пока не разберусь с одним делом, к которому приобщился слишком поздно, чтобы иметь хоть какой-нибудь шанс. Тем не менее... Бросить его я не могу. Я пытался, не получилось.

– Именно поэтому я здесь.

Вернер резко остановился, Гренс тоже – между комнатой отдыха и гардеробом.

– Вот как?

– Ты был у меня пару месяцев назад, Эверт. И ушел не раньше, чем взял с меня слово поработать с несколькими весьма специфическими поисковыми словами.

– Я говорил с тобой, помню. А потом еще со всеми более-менее здравомыслящими следователями Швеции... Да... Пожалуй, всей Северной Европы. С представителями Интерпола, сколько бы их там ни было, а их, не меньше не больше, сто девяносто человек. А потом еще...

– Я говорю о курточке «под зебру» и голубой бабочке.

– И?

– Твои поисковые слова. Я так и не понял, чем или кем они между собой связаны.

– Это то, что я пока предпочел бы держать при себе.

– Почему?

– Потому что кое-кто очень не хочет, чтобы я занимался этим.

Коллеги обменялись понимающими взглядами.

– Тогда я молчу. Но я хотел кое-что тебе показать... Вот, смотри.

Фотография, которую Вернер распечатал на обыкновенной бумаге, не была ни четкой, ни хорошо сфокусированной. Тем не менее более исчерпывающей информации быть не могло. Гренс даже попятился от неожиданности.

– Черт... что это?

– Это прислала одна шведская организация, вызвавшаяся нам помочь. Очень активная организация. Они ведут борьбу с...

Вернер снова выставил снимок и ближе поднял его к глазам Гренса.

– ...с торговлей детьми. Сексуальная эксплуатация детей через Интернет.

Гренс пересилил себя и взглянул на снимок.

– Какой-то аноним пересылал им это фото по каналам.

Гренс прищурился и сделал то же, что и обычно в случае фотографий умерших – сосредоточился не на главном персонаже, а на его окружении. Фон, детали интерьера – все это помогает постепенно выстроить образ изнутри, заодно и к нему привыкнуть. В данном случае убогое помещение, резкий свет. Обшарпанные коричневые обои, зеркало. Жалюзи опущены, довольно неаккуратно, планки, цепочки спутаны в клубок.

Постепенно взгляд Гренса соскальзывал к центру снимка.

Но подготовиться все равно не получилось, только не на этот раз.

Девочке, которая улыбалась в камеру, было около девяти лет. Гренс никогда не видел ее раньше.

И она была совсем голая, с собачьим поводком, обвивавшимся вокруг шеи.

Лица мужчины, который стоял за ее спиной, не было видно, потому что он входил в кадр только по грудь. В одной руке он держал конец поводка, в другой табличку с надписью: «This is the first image in a series of nine»³.

Гренс боялся даже думать, что представляли собой остальные восемь.

– Но зачем ты тычешь мне в глаза этим? С какой стати ты решил, что мне...

– Твои поисковые слова.

Гренс демонстративно отвернулся. Тогда Вернер зашел сзади, поднес снимок к его лицу и ткнул пальцем:

– Вот здесь.

Волосы девочки.

– Заколка, видишь? Которая скрепляет ее челку на сторону.

Гренс вздохнул, следуя взглядом за крючковатым пальцем коллеги. Теперь ее увидел и он.

– Голубая бабочка, Эверт. Одно из твоих поисковых слов.

Да, это была она, голубая бабочка.

После стольких лет бессонных ночей и мучительных поисков наконец она объявилась.

Бабочка выглядела в точности как та, что была на Линнее в день ее исчезновения в супермаркете. Эту заколку мама Линнее сделала сама и подарила дочери на день рождения, поэтому бабочка существовала в единственном экземпляре. С того времени, как был сделан последний снимок Линнее, в ателье с неуклюжими декорациями, прошло три года – целая вечность в жизни маленького человека. Тем не менее Эверт был уверен, что с фотографии Вернера на него смотрела другая девочка, не Линнее.

– Я оставляю ее тебе, просто так, и не буду ничего оформлять. Потому что я уверен, что ты вытянешь из нее все, что только можно, Эверт.

Гренс помедлил, прежде чем принять из рук Вернера распечатанный снимок.

– Ты уверен?

– Если я сейчас вернусь в свой кабинет с живописным видом на парк Крунуберг, включу компьютер и продолжу поиски фотографий такого рода, то найду их больше, чем смогу распечатать. Гораздо больше, Эверт. За неделю я без труда найду по крайней мере сотню шведов, которые по разным тайным сетям обмениваются друг с другом чем-то подобным, и нет ни малейшего шанса, что я успею обработать все это до конца года.

Худощавый мужчина, который уже в молодые годы казался Гренсу слишком мягким для работы в полиции, не то что сам Гренс, разволновался не на шутку.

– И это при условии, что заниматься поисками буду я один. А если привлеку помощников, то – боже мой, Эверт, – их будут десятки тысяч. Если конкретнее, в прошлом году

³ Это первое изображение в серии из девяти (англ.).

их было двадцать тысяч. При этом только в двух процентах были инициированы расследования. Каждый пятидесятый случай, Эверт!.. Одним таким мы занимались буквально на днях. Четко задокументированное сексуальное насилие, снимки, подтверждающие издевательства и даже пытки... все это лежало без движения два года, между тем как он продолжал свое дело. Несмотря на то что у нас было все – имя, место, даже номер телефона! Потому что, если подозреваемый не работает с детьми или имеет своих детей, дело автоматически понижается в приоритете. Вся моя работа в полиции, Эверт, теперь посвящена установлению приоритетности. Поэтому, передавая тебе это фото, я уверен не только в том, что ничего плохого не случится, но и что ты, Эверт, сможешь сделать гораздо больше, чем другие.

Вернер осторожно положил руку на плечо коллеге.

– И потом, если нам особенно повезет, один из моих коллег перестанет наконец шляться здесь по ночам во время вынужденного отпуска, бегать из угла в угол по коридорам следователяского отдела и мешать нам спать.

Дверь в коридор тщательно прикрыта. Шлягеры шестидесятых снимают нервное напряжение, не говоря о мягком вельветовом диване, к которому так привыкло его немолодое тело. На часах почти четыре утра, теперь и рассвет не за горами, и еще одна проведенная в этом кабинете ночь уйдет в прошлое. С возрастом ночи тянутся все медленнее, в то время как дни так и мелькают один за другим. Гренс никогда не мог понять этой арифметики.

Чертова фотография лежит на столе обратной стороной вверх. Такими делятся друг с другом люди, совершающие тяжкие преступления, не выходя из комнаты.

Одна из них попала в ящик шведской гуманитарной организации, борющейся с интернет-торговлей живым товаром. Что хотел сказать тот, кто ее туда отправил?

Кто он? Жертва? Преступник? Свидетель?

Может, ищет защиты, потому что ему угрожают?

Эверт Гренс все еще ничего об этом не знает.

Но не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы понять, что такие наводки не просто наводки. Что именно с этой фотографией связано что-то очень важное.

Гренс тянется к столу, переворачивает снимок.

И на этот раз комиссар сосредотачивается не на незнакомой девочке с заколкой в виде голубой бабочки, а на мужчине за ее спиной.

На безликом преступнике.

Ему под сорок. Это видно по телосложению, осанке, мускулатуре рук. Кожа белая, волосяной покров нормальный. Синяя рубашка. Тонкое кольцо на мизинце левой руки. Часы с красным циферблатом на браслете из серебристого металла. Собачий поводок в правой руке блестит в холодном свете лампы.

Кто-то выбрал именно этот снимок, чтобы донести до них что-то очень важное.

– Вернер, ты не спишь?

Гренс набирает номер Гуннара Вернера в надежде, что худощавый инспектор все еще в своем кабинете на Кунгсхольмене – штаб-квартире многих полицейских операций.

– Эту неделю у меня ночная смена.

– Я по поводу фотографии, которую ты мне передал.

– Да?

– Можешь переслать ее мне на почту в электронном виде?

– Ну, в этом случае мне придется официально все зарегистрировать. Ты ведь этого не хочешь, насколько я понимаю?

Все ясно. Именно поэтому Вернер и подошел к нему лично. Переданная из рук в руки фотография не оставляет так много следов.

– Увеличить можешь?

– Да, но снимок и без того не очень качественный.

– Сейчас я к тебе подойду.

– Не лучшая идея, Эверт. У начальства могут возникнуть вопросы. Оставайся на своем вельветовом диване, слушай музыку. А минут через двадцать спустишься к своему почтовому ящику, okay?

Ровно через двадцать минут Гренс темными коридорами пробирается к своему почтовому ящику, в который почти никогда не заглядывает. Верхним в кипе нечитанных газет и нераспечатанных писем лежит коричневый конверт формата А4, без обратного адреса и отправителя. Гренс возвращается к себе, все так же тщательно запирает дверь и осторожно вскрывает конверт указательным пальцем.

Двенадцать листов бумаги одинакового формата. Вернер разделил снимок на двенадцать частей и увеличил каждую в двенадцать раз.

Гренс опускается на колени и принимается раскладывать пазл.

Он должен взглянуть в каждую часть, в каждую деталь, чтобы вычитать из этого всего то, что ему нужно. Миллиметр за миллиметром разглядывает он безголового мужчину. Потом раздетую девочку. Спартанскую обстановку комнаты.

Но при таком увеличении контуры расплываются настолько, что порой невозможно понять, где заканчивается один объект и начинается другой.

Сверху вниз, слева направо.

С болью в коленях и ноющими бедрами, склоняясь до предела раздраженным телом над разложенными на полу листками.

И в результате – ничего.

Наконец Гренс сдается, медленно поднимается с пола.

И в этот момент все меняется – боже мой!

Случайно его взгляд цепляется за участок стены за девочкой и мужчиной. Точнее, за маленькое круглое зеркало за их спинами. Так вот что он ищет! Эти точки на стекле вовсе не грязь и не погрешности фотосъемки, как он предполагал вначале.

Эверт Гренс торопится, – то же знакомое чувство в груди. Он достает с полки антикварную лупу с рукояткой, берет с пола листок и переносит его на стол, под абажур настольной лампы, которую опускает как можно ниже.

Похоже, он не ошибся и чуть заметные пятна на стекле – это буквы на спине мужчины, точнее, на верхней части его темной рубашки.

Гренс проводит лупой снизу вверх, приближает ее к бумаге, потом отводит. Пока не становится окончательно ясно – большее увеличение только затрудняет просмотр.

Гренс выбегает в коридор, минуя три закрытые двери и открывает четвертую. В кабинете Свена Сундквиста в ящике стола хранится маленький пузырек, который пользовался большой популярностью во время печатных машинок, а теперь почти не востребован – канцелярский забеливатель, совсем новый, что странно.

Когда Гренс снова склоняется над листком бумаги со спиной преступника, случайно попавшей в зеркало, у него больше не болят ни колени, ни бедра. Так оно происходит каждый раз, когда Гренс имеет дело с человеком, для которого чужая жизнь менее ценна, чем его собственная. Тело наполняется адреналином, и это похоже на опьянение, поднимающееся откуда-то изнутри.

Вот так...

При разрешении, которое оставляет желать много лучшего, Гренс принимается за работу с контрастами.

Успех, конечно, маловероятен, но опыт показывает, что иногда срабатывает и это. Если изображение недостаточно контрастно, можно попробовать нанести белила на серые участки, –

на то, что Гренс поначалу принял за пыль или грязные пятна на зеркале. По-видимому, это все-таки буквы, и их нужно всего лишь сделать отчетливее.

С мелкой моторикой у него всегда было неважно. Легкие прикосновения кисти в неуклюжих пальцах – и вот серые пятна организуются в некое подобие букв.

Или все-таки нет?

Он все еще ничего не видит. Но кисть порхает, направляемая все более уверенной рукой. Белая краска попадает в точности туда, куда нужно.

Он поднимает голову, чтобы разглядеть листок на расстоянии.

Вот так. Похоже, это действительно то, что надо.

Текст – чистое поле – текст.

Эверт Гренс глубоко вдохнул и выдохнул. Животом – он специально обучался этой технике. И в следующий момент увидел наконец первую букву – N – в зеркальном отражении, конечно.

Гренс снова сфокусировался на сливающихся белых пятнах, пока не сформировалась вторая – O.

Третья, напротив, долго ему не давалась. Никак не хотела вырисовываться. Как ни вглядывался Гренс, как ни пытался над бумагой с тоненькой кистью в руке – не видел ничего, кроме разрозненных белых участков.

С четвертой получилось проще.

Пятая.

Наконец шестая.

D I – K

Именно так, похоже, это должно выглядеть.

Гренс попытался угадать, что поставить на оставшиеся два чистых поля.

NORDISK – первая путеводная нить к голубой бабочке, которая теперь порхает в волосах совсем другой девочки.

Следующее слово вырисовывалось так же медленно. Осторожное прикосновение кончиком кисти – внимательное вглядывание – снова кисть. И вот наконец – четыре буквы из шести.

M O B F

Эверт Гренс включил компьютер, открыл Гугл и забил в поисковое поле то, что имел на тот момент:

NORDISK MOB F

Множество совпадений – Гренс не успел вылить в себя остатки холодной жижи со дна кофейной чашки.

Отсортировав рекламу и оплаченные объявления, которые, как всегда, шли первыми и мешали поиску, комиссар, в конце концов, оставил один-единственный правдоподобный вариант: Nordisk Møbelfremstilling – похоже на название мебельной фабрики.

Кликнув на ссылку, Гренс перешел на сайт с датским текстом и логотипом, который был на рубашке мужчины с фотографии. Предприятие с почтовым адресом в Рёдберге – небольшом городке, о существовании которого Гренс узнал впервые. Судя по карте, Рёдберг находился на острове Фальстер, в паре миль к югу от города Нюкёбинг-Фальстер, на юго-востоке Дании.

Гренс быстро поднялся – он не желал смотреть на эту фотографию дольше необходимого. На данный момент был актуален лишь один листок из двенадцати – тот, который с зеркалом и текстом. Именно он дал первый фрагмент картины, из-за которого комиссар подвергся сомнениям. Что на самом деле стояло за всем этим? Что, если кто-то таким образом подшутил над ним?

Он имел дело с опытным педофилом, перепродававшим товар поделщикам через Интернет, – иначе как объяснить информацию о еще восьми изображениях в той же серии? Мог ли такой тип повести себя настолько неосторожно, что сфотографировался в рубашке с логоти-

пом, дававшим четкую наводку полиции? Которую стокгольмский комиссар раскрыл, опираясь исключительно на технические средства доцифровой эпохи – лупу и канцелярский забеливатель, вышедшие из употребления еще до начала XXI века? Или же это голубая бабочка разбудила его воображение и заставила увидеть то, что Гренс хотел бы видеть?

Комиссар опустил на корточки и собрал с пола оставшиеся листки, переворачивая каждый обратной стороной, чтобы не смотреть на изображения.

Но, может, еще и затем, чтобы перестать формулировать все новые вопросы, подводящие к самому последнему, в отношении которого Гренс совсем не был уверен, что хочет знать на него ответ. Был ли этот снимок и в самом деле скрытым посланием, за которым стояла некая история? То есть была ли девочка с голубой бабочкой в волосах как-то связана с другой, которая тоже носила такую заколку и на чьих фиктивных похоронах Гренс побывал всего пару месяцев назад?

Суббота, половина шестого утра – время, когда большинство нормальных людей отсыпается после рабочей недели. Эверту Гренсу на это наплевать. Он давно приучил своих коллег к тому, что их могут разбудить хоть посреди ночи – в любой момент, когда у него возникнет в этом необходимость. Чаще всего это случалось именно тогда, когда нормальные люди не разговаривают по телефону, и это служило самым очевидным доказательством того, как мало было дела комиссару до привычек нормальных людей.

Именно поэтому он еще раз набрал ее номер. Пятый раз за какие-нибудь пару минут.

И именно поэтому она отказывалась отвечать, как и каждый раз на протяжении почти года. Но сегодня Гренс решил не сдаваться, и Марианна как будто это почувствовала. Потому что после того, как он позвонил еще и еще, а потом и еще два раза, она наконец приняла вызов.

– Эверт? И именно сейчас, когда...

– Доброе утро, Марианна.

– Похоже, ты меня не понял. Я не желаю иметь с тобой никаких дел. Ни-ко-гда.

– Я понял. Хотя никогда не считал эту идею удачной.

– Я кладу трубку. И не заставляй меня менять номер.

– Не клади трубку. Я хотел поговорить не с тобой.

Она замолчала, и Эверт услышал чье-то медленное дыхание на заднем плане. Кто это так сладко храпел рядом с ней? Его шеф Эрик Вильсон?

– Так с кем ты хотел поговорить? С Эриком? Вы каждый день видите на работе.

– Во-первых, я хотел бы попросить тебя ничего не говорить Эрику об этом моем звонке.

Она опять замолчала, и Эверт прекрасно понимал ее сомнения. В кои-то веки он дозволился на ее номер, и этот разговор мог бы стать первым шагом к примирению, потому что это по вине Гренса Марианна перевелась в другой отдел, и в результате комиссар заявляет, что хочет говорить не с ней, а с кем-то другим. Одно это звучало подозрительно.

– Вот как? И что это значит? И с кем же это ты, интересно, хотел поговорить, если звонишь на этот номер посреди ночи и не желаешь слышать ни меня, ни Эрика?

– Ты знаешь, что с тобой я готов говорить в любое время. И даже не только говорить... Но именно сейчас, Марианна, именно в это утро, я хотел бы с твоей помощью выйти на того молодого человека, с которым мы работали в прошлом году и который может то, чего не может никто – вскрыть любую тайную сеть в Интернете.

– Билли?

– Возможно. Двадцать лет или около того. Тощий, бледный и... немного себе на уме.

– Билли.

Она замолчала вот уже в третий раз. То, что поначалу казалось Гренсу раздражением, а потом перешло в сомнения, теперь выглядело как осторожность.

Марианна понизила голос:

– Чем ты занимаешься, Эверт?

– Одним расследованием.

– Для которого тебе требуется помощь человека извне? И о котором ты не хочешь говорить своему непосредственному начальнику?

– Расследованием, которое... не совсем официальное, скажем так. Пока...

На какое-то мгновение Гренс почувствовал, что она его поняла. Марианне всегда нравилась его дерзость идти в обход системы.

– Ну хорошо. Я знаю, как на него выйти. Я свяжусь с ним и потом перешлю тебе его адрес. Потому что, как я догадываюсь, ты не слишком жаждешь видеть его у себя в отделении?

Если момент понимания и был, то он прошел.

– Сам-то как?

– Я?

– Ты ведь понимаешь, что долго так продолжаться не может? Все очень серьезно, если ты беспокоишь людей звонками в такой час. Ты заработался, Эверт. Ты бежишь, и мы с тобой оба прекрасно знаем от чего.

В ее голосе снова прорезались острые, холодные нотки.

– И еще одно, Эверт. Я желаю тебе успеха в твоём новом расследовании, чем бы ты там ни занимался. Но я прошу тебя не звонить мне больше. Я все-таки сменю номер, это я сейчас так решила. Все. Береги себя.

Она положила трубку.

И электронная тишина, как всегда, оказалась невыносимее любой другой.

Эверт Гренс больше не мог оставаться в своём кабинете. Его одиночество больше не было добровольным, а потому давило. Комиссар прогулялся до одного кафе на Хантверкаргатан, которое открывалось раньше других, взял три теплые булочки с корицей и два кофе, черных и крепких. И только успел расположиться за столиком, как пришло сообщение с адресом и кодом домофона. С ее старого номера.

Комиссар редко пользовался метро, но неофициальное расследование требовало столь же неофициальных средств передвижения, не зарегистрированных в управлении полиции. Гренс вышел на станции Сканстюлле и тут же пожалел о том, что так редко посещал Сёдермальм без машины. Так приятно прогуляться пешком по Стокгольму. Гренс пересек Гётгатан и, направляясь по Катарианбангатан в сторону Нютorget, впервые за долгое время почувствовал себя спокойным. Возможно, это было не совсем то, что воображает себе кое-кто из местных жителей, но вполне себе уютный район, овеянный духом старины, которая почти не ощущалась в той части города, где комиссар прожил большую часть жизни.

Пять ступенек вверх и лифт, который выглядел намного старше самого Гренса. При одном только взгляде на дверь с металлической решеткой у комиссара перехватило дыхание. Пришлось подниматься по лестнице, этаж за этажом. Позвонив наконец в дверь, Гренс в полной мере ощутил проблему прямо противоположного характера, – дыхание стало слишком частым.

– Доброе утро, комиссар.

Потертые джинсы, застиранная рубашка и на удивление бодрый вид.

– Доброе утро, Билли. Уже проснулся?

– Я еще не ложился, комиссар. Засиделся за компьютером.

– Прошу тебя, не называй меня комиссаром. Ты уже, наверное, понял, что я здесь как частное лицо. Войти можно?

Квартира оказалась небольшой и совсем не такой, какой Гренс ожидал ее увидеть. Ни пустых банок из-под колы и энергетических напитков, ни коробок из-под пиццы или индийской кухни навывнос. Везде чистота и порядок, мебель в комнатах выглядела дорогой. Тем не

менее это была квартира обитателя виртуального мира: комиссар почувствовал это сразу. Ее святыней был стол с компьютерным оборудованием возле окна в гостиной.

– И как же мне вас называть?

– Эверт.

– Странно как-то...

– Меня звали так, сколько себя помню. Странно, не спорю, но выбора у нас нет. Меня зовут так, как меня зовут.

– Вы не производите впечатления человека, которому нравится, когда малознакомые люди обращаются к нему по имени, – вот что я имел в виду.

Они сели. Юный айти-гений перед компьютером, пожилой комиссар на табуретке, справа от него.

– Прежде чем мы начнем, я хотел бы кое о чем тебя предупредить, – сказал Гренс и сам не заметил, как понизил голос. – Фотографии, с которыми мы будем работать, связаны с самым отвратительным, что только может быть в человеке.

Комиссар выложил на стол распечатанный снимок, и молодой человек сделал то же движение, что когда-то и он сам, – отпрянул, словно для того, чтобы сделать увиденное менее реальным.

– Здесь, на обратной стороне, какие-то цифры и буквы, их нацарапал тот, кто передал мне этот снимок. По мне, все это абракадабра и не более того. Но для тебя они, наверное, что-то значат.

Гренс перевернул листок, на что Билли отреагировал движением ровно противоположного характера – приблизил лицо к листку и расслабился.

– Это адрес из неиндексированного Интернета.

– Вот как?

– Даркнет, комиссар. Простите, но я буду называть вас именно так. Язык не поворачивается по-другому.

– Дарк... мне это ни о чем не говорит.

– Seriously?

– Seriously.

– Но... не понимаю, как вы можете работать в полиции, этой штуке бог знает сколько лет.

– В том-то и проблема, Билли. Мне тоже бог знает сколько лет.

Билли улыбнулся, почти ласково.

– Криптосеть под прикрытием обычного Интернета. Для официальных поисковых систем эта часть Сети полностью вне зоны досягаемости. Сайты со скрытыми IP-адресами, на которые нельзя выйти, просто погуглив в Интернете. Но даже если вы каким-то образом наткнетесь на ссылки, нечего и думать проникнуть туда без специального браузера.

– Наверное, поэтому я и сижу здесь.

– Наверное, поэтому вы здесь и сидите.

Когда Эверт Гренс сел за компьютер, то слишком сильно бил по клавишам, как это делают все прошедшие школу печатных машинок. Для Билли такой проблемы явно не существовало. Его пальцы так и танцевали по клавиатуре, как будто составляли с ней одно целое.

– Чтобы открыть Даркнет, нужно специальное программное оборудование. Обеспечение анонимности, так это называется. И здесь у меня есть несколько вариантов на выбор... Вот, видите, комиссар?

Гренс взглянул на монитор. Точнее, на мониторы, потому что работало их сразу четыре штуки. Не прошло и нескольких минут, как абракадабра Гуннара Вернера вывела их на ту же самую фотографию. Точнее, на ее цифровой оригинал, который Гренс видел впервые.

– Могу я спросить одну вещь, комиссар?

– Да?

– Почему мы сидим здесь, а не в отделении полиции?
– Потому что это единственная возможность довести расследование до ума.
– Полагаю, это не грозит мне никакими неприятностями в дальнейшем? Ну... Это я на случай, если кому-то придет в голову поинтересоваться, зачем я это скачиваю и ради чего захожу на такие сайты.

– Если кто-то из нас и рискует, то это я, обещаю тебе.
– Можно в письменной форме? Ну, что вы берете на себя полную ответственность и все такое...

– Если хочешь закончить прямо сейчас, так и скажи. Я не стану тебя ни о чем спрашивать, тем более уговаривать. Но если будешь и дальше мне помогать, давай обойдемся без формальностей.

Оба как по команде перевели взгляд на мужчину с поводком в одной руке и с табличкой в другой. Первая фотография в серии из девяти.

– То есть существует еще восемь? – спросил Билли.

– Именно так я это и понял, – ответил Гренс.

– И он предлагает нам взглянуть на остальные.

– Похоже на то.

– Педофилия, комиссар?

– Я и сам хотел бы выяснить.

Вскоре ни у того, ни у другого не осталось сил смотреть на обнаженную девочку. Гренс подошел к окну с видом на пестрые крыши Сёдера, а Билли отправился на тесную, как каморка, кухню и включил кофеварку.

– Кофе, комиссар?

– Только если мы продолжим.

– Мы продолжим.

Юный голос вдруг зазвучал старше.

– Потому что я хочу, чтобы вы поймали этого черта. И всех тех, кто с ним заодно.

Билли поставил между клавиатурой и экранами две огромные дымящиеся фарфоровые чашки – по пол-литра кофе в каждой – и ткнул пальцем в запись на обратной стороне бумаги.

– Эта абракадабра, как вы выразились, комиссар, – уникальный шифр, своего рода название этой картинке в Сети. Лично я в таких случаях поступаю просто – меняю в шифре пару знаков и таким образом шифрую следующий объект в серии. Поэтому сейчас я буду варьировать эту последовательность.

Так Билли и сделал – заменил одну из единиц на двойку.

– ...почти уверен, что рано или поздно это приведет нас к следующей, и...

Билли осекся на середине фразы.

Ни он, ни Гренс не могли больше ни говорить, ни слушать, потому что на мониторе и в самом деле появилась следующая картинка.

– Вот, смотрите, комиссар, предыдущую фотографию он выложил четырнадцатого июля. А эту на следующий день, пятнадцатого. И создал слайд-шоу. Теперь мы поменяем еще одну цифру, и...

Сразу несколько изображений заполнили экран. Взрослый мужчина насильствовал девочку-подростка, и этот процесс был представлен поэтапно: от кадра к кадру. Как в анонсе.

– Это все, комиссар, что было в этой рассылке.

– Можешь это сохранить?

– Уже сделано.

Пол-литровые чашки со сваренным кофе стояли пустые.

Эверт Гренс опустил флешку во внутренний карман пиджака.

– Когда я был маленький, комиссар, мы копировали VHS-кассеты, а потом шли на почту и отправляли их в запечатанных конвертах с адресом и марками, так что тот, кому это предназначалось, мог получить посылку только через несколько дней. Я только хочу сказать, мне нет и двадцати восьми, то есть я не такой старый. Но что теперь? С этой флешки вы загрузите снимки быстрее, чем успеете сказать «Меня зовут Эверт Гренс», и разошлете их на множество файлообменников и облачных сервисов по всему миру. Я очень люблю Интернет. Но тот, кто все это сотворил, едва ли представлял себе возможные последствия своего изобретения.

Молодой человек протянул комиссару руку.

– Мои услуги стоят денег, комиссар. Надеюсь, вы это понимаете.

Гренс кивнул и пошел к выходу, оставив Билли сидеть за компьютером. Но уже у двери молодой человек неожиданно его окликнул:

– И сколько там еще таких, комиссар? В Даркнете, я имею в виду...

Гренс пожал плечами:

– Понятия не имею.

– Но ведь кто-то же имеет... Хотя так даже лучше. Проще жить.

Спустившись по лестнице с шестого этажа и снова оказавшись на роскошной Катаринабангатан, он остановился перевести дух.

Вдох-выдох, вдох-выдох...

Здесь была другая реальность, отличная от той, виртуальной, в которой он только что побывал.

В этой Гренс, по крайней мере, знал правила игры.

Он понимал, насколько все серьезно. И что сейчас он должен идти напрямик к своему шефу, чтобы передать ему флешку с файлами. А заодно и результаты исследования букв на рубашке, предположительно читающихся как Nordisk Møbelfremstilling – предприятие в городке под названием Рёдберг, в паре миль к югу от Нюкёбинг-Фальстер.

Гренс прекрасно понимал все это, тем не менее поступил по-другому.

Он прогулялся до Гётгата и взял такси до Арланды⁴.

Его отстранили от дела. Ни начальство, ни родители девочки, которую недавно объявили мертвой, не заинтересованы в продолжении расследования. Но плюшевому мишке с красным бантиком в белый горошек не место в могиле с пустым гробом, и единственный, кто поддерживает Гренса в этом, – маленький мальчик, ее брат. Пока это так, продолжать стоит.

Когда Эверт Гренс сидел у окна в ресторане «Ист-Сайд-грилл», шел дождь. Немногочисленные прохожие на улицах выглядели мокрыми и продрогшими. Куриные бургеры за восемьдесят девять датских крон не имели запаха. А когда Гренс повнимательней пригляделся к офисным помещениям в здании напротив, понял, что все они пустуют.

Он сидел в единственном действующем ресторане в Рёдберге, на единственной (она же была главной) улице, и картина за окном не навевала ничего, кроме уныния.

Потребовалось чуть больше часа, чтобы покинуть Арланду и Стокгольм. Еще час в воздухе – до Каструпа⁵ и Копенгагена. Еще полтора – до Нюкёбинг-Фальстера по железной дороге. Комиссар любил эту страну, отделяющую Швецию от континента, понимал по-датски почти все и всегда был рад здесь оказаться. Но не в этот раз. Не по этому делу, начавшемуся возле двух пустых могил, символизирующих смерть двух маленьких девочек.

Интересующее его предприятие, судя по карте в мобильнике, располагалось в каком-нибудь километре отсюда. Владелец ресторана, оказавшийся более милосердным, чем предлагаемая им еда, вызвался даже одолжить комиссару зонтик. Городок же на поверку оказался

⁴ Арланда – аэропорт в Стокгольме.

⁵ Каструп – аэропорт в Копенгагене.

не только унылым, но и заброшенным. Гренс повстречал пожилую даму с такой же пожилой собакой да мальчика-подростка, который, пригнувшись, пересекал площадь под дождем на велосипеде. В остальном все было пусто.

Гренсу, всю жизнь прожившему в большом городе, это казалось странным и невыносимо скучным. Он просто не представлял себя в такой обстановке.

Белый фасад со знакомым логотипом уже маячил за последним поворотом главной улицы. К производственному корпусу примыкала офисная часть, куда Гренс и направился. Улыбчивая молодая женщина за регистрационной стойкой поздоровалась и спросила о причине визита.

– Для начала я хотел бы убедиться, что эта рубашка имеет отношение к форме вашего предприятия.

Гренс протянул женщине распечатку фотографии без девочки и таблички.

– Простите, вы о чем?

– Рубашка. В зеркале отражаются буквы, которые можно прочесть как название вашей фирмы. Я хотел убедиться, что это действительно так.

Женщина взяла листок и посмотрела сначала на снимок, а потом на Гренса.

– Кто вы? И почему задаете такие вопросы?

Гренс нащупал полицейское удостоверение в кармане пиджака и выложил его на стойку.

– Эверт Гренс, комиссар криминальной полиции из Стокгольма.

Женщина открыла обложку из черной кожи. Сверила фотографию в удостоверении с лицом мужчины, который стоял перед ней. Осторожно потрогала пальцем золоченую гербовую корону.

– Комиссар криминальной полиции?

– Да.

– Из Швеции?

– Именно.

– И вас интересует наша форменная одежда?

– Я хотел бы знать, действительно ли она ваша.

Женщина продолжала разглядывать то Гренса, то удостоверение, то распечатку.

– У нас два варианта форменной одежды, зимний и летний. И да, это зимний вариант.

Гренс вздохнул – облегченно и про себя, потому что женщина не должна была это заметить. Очевидно, он был на верном пути и не зря проделал это путешествие.

Он прибыл именно в то место, откуда нужно начинать поиски.

– Сколько у вас сотрудников?

– Не уверена, что могла бы отвечать на подобные вопросы, даже если бы вы были датским полицейским.

Гренс понял намек, но не подал виду. Он не спешил вмешивать в это дело местных коллег.

– С кем я мог бы поговорить в таком случае?

Она показала на комнату совещаний за стеклянной стенкой чуть дальше по коридору, где четверо мужчин, с бумагами и папками, о чем-то увлеченно дискутировали.

– Похоже, им не до нас. Несмотря на выходные.

– Заказов мы получаем больше, чем можем выполнить.

– Тогда, возможно, всем будет проще, если мне поможете вы? Итак, сколько у вас сотрудников?

Она снова перевела взгляд на стеклянную стенку. Там ничего не изменилось. Врываться посреди совещания была не лучшая идея.

– Двадцать два.

– Из них мужчин?

– Один, два... Восемь... Четырнадцать.

– Из них между двадцатью пятью и сорока годами?

– Что?

– Сколько у вас сотрудников старше двадцати пяти и моложе сорока лет?

– Не имею ни малейшего представления. Я работаю здесь не так давно и не настолько хорошо их знаю.

– Полагаю, имеются какие-то списки. Может, мы могли бы в них заглянуть?

Женщина в третий раз бросила взгляд в глубь здания. Похоже, дискуссия за стеклянной стенкой только ужесточилась.

Настырный шведский полицейский по ту сторону стойки, за спиной – агрессивно настроенное начальство. Похоже, дама не без оснований чувствовала себя загнанной в угол.

– Одну минуту.

Ее пальцы забегали по клавиатуре, – такие же уверенные и легкие, как и у Билли из Стокгольма. Как будто компьютер стал частью человеческого тела, незаметно наращенной за одно поколение.

– Четверо. Двадцать шесть, двадцать девять, тридцать и тридцать восемь лет.

Гренс перегнулся через стойку и просмотрел таблицу на мониторе снизу вверх.

– Эй, что вы делаете?

– Мне только интересно, есть ли у вас их фотографии.

– Оставайтесь там, где стоите.

– Мне очень хотелось бы взглянуть на них.

Больше она ни на чем не настаивала. Даже не вздохнула. Просто развернула монитор и подвинула ближе к Гренсу.

– Он, он, он и он... Эти четверо между двадцатью пятью и сорока годами. Вы удовлетворены?

Комиссар улыбнулся, кивнул, стал приглядываться. Но улыбка быстро сошла с его лица, потому что ни один из мужчин не был тем, кто ему нужен.

Один слишком тощий, другой наоборот. У этого недостаточно широкие плечи. У того коротковаты предплечья.

– И это... все?

– Похоже на то. Мы закончили?

Гренс навалился на стойку, опершись на локти. Он не мог позволить всему этому закончиться просто так.

– Нет.

– Нет?

– Мы не закончили. Давайте продолжим с вашими бывшими сотрудниками. Посмотрите тех, кто работал у вас последние пять лет. Больше, наверное, рубашки не выдерживают.

Медленно, позволяя Гренсу заглядывать ей через плечо, женщина прокручивала документ с фотографиями. Здесь были все, кто за последние пять лет ушел с предприятия с высокой текучестью кадров. Они успели просмотреть четырнадцать личных дел, с приказами и фотографиями, когда вдруг Гренс дернулся... Грудь...

– Задержитесь, пожалуйста.

Комиссар поднес распечатанный снимок к экрану. Мужчина был даже в той же самой рубашке.

Плечи, торс, руки – все совпадало.

Цвет кожи, волос – все.

Осанка...

– Вот...

Даже кольцо на мизинце левой руки.

– Кто он?

– Это было еще до меня...

– Можете показать файл?

Когда дама легким нажатием клавиши открыла личное дело бывшего сотрудника, его портрет увеличился. Теперь Гренс смотрел в глаза тому, кого искал, а тот – в глаза Гренсу.

Темно-русые, на скандинавский манер, волосы.

Белоснежная кожа.

Немного полноват, пожалуй, но с мускулами все в порядке.

Круглые щеки, трехдневная щетина и губы – припухлые, хотя он и сжимает их перед камерой.

– Карл Хансен.

Она открыла следующее окошко личного дела.

– Продавец, проработал у нас... ну да, восемь месяцев. Уволился год назад.

Они снова посмотрели друг на друга, Эверт Гренс и мужчина, который стоял за спиной голой девочки. До сего момента безликий.

– Адрес?

– Когда он здесь работал... Лердаль, здесь написано. В паре миль отсюда.

– А если ввести этот адрес в обычный поиск? Он до сих пор там живет?

Она бросила на комиссара взгляд, который мог означать только «а с какой стати я должна это делать?», тем не менее открыла поисковую программу. Как видно, дама поняла, что чем быстрее шведский полицейский получит то, что ему нужно, тем быстрее она от него отделается.

– Да. Он до сих пор живет там.

– Можете записать название улицы и номер дома на обратной стороне?

Гренс перевернул лист с распечатанным снимком, из которого незадолго до того вырезал Карла Хансена, и положил на стойку.

Она все записала. Карандашом, который громко царапал бумагу.

– Хотите знать, кто еще там живет?

– Да, можете посмотреть?

Она приложила палец к экрану, провела под текстом.

– Еще два человека с такой же фамилией и по тому же адресу. Женщина тридцати четырех лет, которую зовут Дорте, и девочка девяти лет, Катрине.

– Отлично, спасибо.

Только она вздохнула с облегчением, оттого что все наконец закончилось, как Гренс продолжил:

– Надеюсь, вы понимаете, что то, о чем мы только что говорили, не для посторонних ушей. Я имею в виду как ваших коллег, так и всех вне этого здания.

Ее взгляд можно было истолковать, пожалуй, как недружелюбный. Женщина повернулась спиной к начальству за стеклянной стенкой.

– Да, но если они спросят, я расскажу все как было.

То есть как неприятный шведский старик ворвался в офисный корпус и стал приставать к ней с вопросами о вещах, к которым не имеет ни малейшего отношения. И как она просила его удалиться, пригрозив вызвать датскую полицию.

Выйдя на проливной дождь, Эверт Гренс забыл раскрыть зонт. Совсем как на скамейке на кладбище. С той только разницей, что на этот раз он не стал ложиться на спину плашмя, позволив каплям разбиваться о лоб и щеки. На подобные удовольствия у Гренса просто не оставалось времени. Он и сам не мог понять, в чем здесь дело, но мысль о том, что надо торопиться, укреплялась все больше с каждым шагом, пока он, петляя между лужами, удалялся от офисного здания. Ведь чертова фотография была послана анонимом не просто так. Кто-то

рассчитывал на то, что инспектор полиции из Стокгольма незамедлительно прибудет именно сейчас, именно в этот город.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.